

rocketbook

Шерлок Холмс в России

Старый русский детектив

Павел Орловец

**Шерлок Холмс в России.
Старый русский детектив**

«ЭКСМО»

1900

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

Орловец П.

Шерлок Холмс в России. Старый русский детектив /
П. Орловец — «Эксмо», 1900

ISBN 978-5-04-100511-5

В начале XX столетия Шерлок Холмс и его старинный друг доктор Ватсон прибыли в Россию, чтобы отдохнуть и лучше узнать далекую страну, о которой имели смутное представление. Но вместо отдыха столкнулись с призраком Нижегородской ярмарки, расследовали дело мошенников из Питера, раскрыли тайну золотиносных приисков. Блестящий ум, огромное великодушие и безграничная смелость помогут Холмсу и его верному летописцу доктору Ватсону одержать победу над самыми злыми и коварными обитателями преступного мира...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-100511-5

© Орловец П., 1900
© Эксмо, 1900

Содержание

Похождения Шерлока Холмса в России	6
Тайна нижегородского Главного дома	6
I	6
II	6
III	9
IV	11
V	13
VI	14
VII	16
VIII	18
IX	21
X	23
XI	23
Печать Таджики	25
I	25
II	26
III	27
IV	28
V	29
VI	31
VII	32
VIII	34
IX	36
X	37
XI	38
XII	39
XIII	41
XIV	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Павел Орловец, Павел Никитин
Шерлок Холмс в России.
Старый русский детектив

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Похождения Шерлока Холмса в России

Тайна нижегородского Главного дома

I

Это было в 190* году.

Несмотря на то что Шерлок Холмс приехал в Нижний Новгород вовсе не по делам, а ради отдыха и желания поближе познакомиться с далекой Россией, о которой англичане имели лишь смутное понятие, проезд его был замечен.

Как ни старался он сохранить инкогнито, как ни уединялся во время прогулок, всюду ему приходилось наблюдать за своей спиной любопытных горожан и слышать свое имя, произносимое шепотом.

Правда, он думал, что это внимание ограничится лишь любопытством, однако на деле оказалось иначе.

Придя на третий день в свою комнату в «Почтовых номерах» у Черного пруда, он узнал от слуги, что какой-то господин недавно спрашивал его и, не застав дома, просил назначить час, когда можно будет переговорить с Шерлоком Холмсом.

– Когда он обещал снова зайти? – спросил Холмс.

– Сегодня вечером, – ответил слуга.

– Ну и прекрасно, – сказал сыщик, – благо я сегодня никуда не собираюсь.

Слуга вышел, а Шерлок Холмс растянулся на кушетке, взяв в руки газету.

Надо заметить, что знаменитый английский сыщик, еще будучи в Буэнос-Айресе, в продолжение двух лет снимал помещение со столом в семье русских эмигрантов и, находясь с ними в постоянных близких сношениях, отлично изучил русский язык.

Конечно, он не мог уничтожить своего английского акцента, но все же говорил настолько чисто, что в знании и выговоре положительно мог дать вперед пятьдесят очков любому иностранцу, прожившему в России безвыездно десять лет.

Прочтя одну газету, он взялся за другую, но скоро глаза его утомились, и он, накрывшись газетным листом от мух, мирно задремал на кушетке.

II

Легкий стук в дверь прервал его сон. Вероятно, он проспал долго, так как, открыв глаза, заметил, что наступил уже вечер.

Встав с кушетки и быстро переодевшись, Шерлок Холмс крикнул:

– Войдите!

Дверь отворилась, и в комнату вошел господин средних лет, крепкого сложения и видный собою, одетый в легкое летнее пальто новейшего фасона.

В затянутой в перчатку руке он держал фетровую шляпу и трость с дорогой серебряной ручкой, украшенной золотой монограммой.

Вежливо поклонившись сыщику, он попросил извинения за непрошенный визит.

– Вы, вероятно, тот самый господин, о котором мне докладывал лакей? – спросил англичанин, обращаясь к нему.

– Вы угадали, – ответил пришедший. – Я уже был у вас несколько часов тому назад, но, к сожалению, не застал вас дома. Я очень прошу вас выслушать меня...

– Я к вашим услугам, – поклонился Шерлок Холмс. – Я догадываюсь, что вы хотите обратиться ко мне за помощью, но удивляюсь: как могли вы узнать, кто я такой и что я вообще здесь?

– О! – воскликнул пришедший. – О вас уже говорят по всему городу, а так как ваша слава давно перелетела океан, то и неудивительно, что, узнав о вашем приезде, я тотчас же решил повидаться с вами.

Шерлок Холмс, польщенный этим отзывом, с улыбкой поклонился.

– Прошу покорно, разденьтесь и присаживайтесь, – произнес он.

Гость сбросил пальто, повесил его на вешалку и приблизился к сыщику.

– Имею честь представиться: Иван Владимирович Терехов, нижегородский купец первой гильдии, – произнес он, слегка кланаясь.

– Очень рад, – ответил сыщик. – Чем могу вам служить?

Терехов опустился в кресло, закурил папиросу и стал излагать причину своего прихода.

– Я торгую бельем и модным товаром, – начал он. – Этим товаром торговали мои дед и отец, фирма наша давняя и занимает прочное положение. Обыкновенно я торгую в городе, но на время ярмарки открываю дело и в Главном доме.

Мой магазин находится там по правую сторону пассажа.

До этого года все шло хорошо и я ни на что не мог жаловаться, но в этом году у меня в магазине стали происходить такие чудеса, что навели панику не только на всех моих служащих, но и на публику, которая, кстати сказать, уже начинает понемногу съезжаться к предстоящей ярмарке.

В день сортировки товара по полкам и витринам (это было еще до открытия магазина) мы, то есть я и трое приказчиков, были на работе.

При электрическом освещении мы проработали весь день.

Я сам отпирал магазин и сам запер его, потушив предварительно свет.

Навесив замки на двери и железные решетки окон, я повернулся, чтобы уйти, как вдруг старший приказчик подскочил ко мне.

Он был бледен как полотно и весь дрожал.

– Что такое случилось? – спросил я в тревоге.

– Ради бога, ради бога, посмотрите в окно! – прошептал он.

Я взглянул в окно и в ужасе отскочил назад.

Какая-то человеческая фигура, закутанная в белую одежду, вроде савана, бесновалась, прыгая и дрожа, в моем магазине.

Двое остальных приказчиков стояли тут же, перепуганные не менее меня и старшего приказчика.

Несколько минут мы стояли молча, в полном оцепенении, не будучи в силах даже пошевелиться.

Я человек не робкого десятка, притом воспитывался за границей и окончил университет, а следовательно, не верю в чертовщину.

Но тут я действительно струсил.

Хотя... это продолжалось недолго.

Вскоре я оправился, взял себя в руки и стал отпирать замки.

На всякий случай одного из приказчиков я послал за городовым.

Старшему же приказчику я приказал наблюдать за привидением через окно.

Но едва успел я снять второй замок, как приказчик закричал:

– Исчезло! Господи, помилуй нас, грешных!

По его словам, оно исчезло сразу, и в магазине снова воцарилась тьма.

В это время пришли городовой и посланный за ним приказчик.

– В магазине кто-то есть, – сказал я городовому. – Войдите вместе с нами и давайте хорошенько поищем.

Я отпер дверь, зажег свет и с большим трудом уговорил приказчиков последовать за собою.

В магазине было все по-старому.

Ни малейшего следа беснования не было видно.

Впятером мы обшарили решительно все.

Смотрели под прилавки, в ящики, перевернули весь товар, одним словом, будь в магазине мышь, мы заметили бы и ее.

Но... все поиски были безрезультатными.

Оставалось лишь предположить, что виденное померещилось нам.

Я так и решил.

Вероятно, приказчики мои решили иначе.

На другой день мы снова принялись за прерванную работу.

А вечером, как только я запер магазин, повторилась та же история.

Белый призрак скакал и дрожал в магазине...

Теперь я разглядел и его лицо.

Это было не лицо, а попросту череп, с оскаленными страшными зубами.

Призрак скакал и бесновался все на том же месте, размахивая огромным ножом, зажатым в его костяной руке.

От ужаса мы едва стояли на ногах.

Сделав над собою нечеловеческое усилие, я снова отпер магазин, и в ту же секунду призрак исчез.

Ну словно ничего и не происходило.

Приказчики в ужасе разбежались, и толпа соседей по магазину окружила меня.

Около моего магазина собрался почти весь Главный дом.

На всех лицах видны были страх и полная растерянность!

Некоторые из присутствовавших мельком видели страшный призрак и теперь рассказывали о нем другим, слушавшим их с любопытством и страхом.

Кто-то посоветовал окропить магазин святой водою и отслужить в нем молебен.

В присутствии самых храбрых я снова перерыл весь магазин, но так же, как и накануне, не нашел ровно ничего.

Третий день был кануном открытия ярмарки.

Несмотря на мои просьбы, все мои приказчики отказались наотрез идти в магазин, и лишь обещание окропить его святой водою и отслужить в нем молебен успокоило их.

Молебен был отслужен, магазин окропили, и мы принялись за работу.

Перед этим я сходил в сыскное отделение и рассказал все заведующему сыскной частью.

К магазину были приставлены два сыщика.

Перед закрытием магазина они обследовали его самым подробным образом, попробовали полы, выстучали стены, но все это ничего не дало.

И лишь только я потушил огонь и запер магазин, как сами сыщики, а с ними вместе и приказчики, с громким воплем отскочили от окна магазина, в которое смотрели.

– Покойник! – крикнул кто-то нечеловеческим голосом.

Я бросился к окну, и волосы мои встали дыбом.

Я ясно увидел большой гроб, в котором сидел, опершись костяными руками о края, отвратительный скелет.

Момент, когда крышка сорвалась и скелет сел в гробу, видели все; я же увидел его уже сидящим.

Он был без савана.

И вдруг скелет сорвался с места и, вскочив на ноги, стал плясать. Затем из гроба вырвался огромный клуб дыма, и все исчезло, словно по волшебству.

III

Иван Владимирович Терехов замолк и попросил пить.

– Глоток портвейна вам будет очень полезен! – произнес Шерлок Холмс, наливая купцу вина.

Терехов взял протянутый ему стакан и залпом выпил вино.

– Ваш рассказ становится с каждой минутой все интереснее! – сказал английский сыщик. – Итак, я слушаю дальше.

– Я остановился, кажется, на том, что видение исчезло? – заговорил снова Терехов. – Мои приказчики дали тягу, я же, собрав остаток своей храбрости, вместе с сыщиками вошел в магазин.

На этот раз был поднят даже пол, но, как и прежде, ничего подозрительного найдено не было.

Провозившись до полуночи, я возвратился домой, разбитый и мучимый какими-то скверными предчувствиями.

Жена, перепуганная всей этой историей, в третий раз стала доказывать мне, что необходимо перенести магазин в другое помещение, так как это место, очевидно, проклято и нас ждет на нем какое-нибудь несчастье.

На появление гроба она смотрела с суеверным ужасом.

Признаюсь, и на меня вся эта чертовщина произвела гнетущее действие.

Ночью меня душили кошмары и являлись во сне гробы, а днем сердце ныло тоскливо и больно.

Мне было жалко покидать насиженное место.

В Главном доме фирмы сидят прочно, и ждать, пока освободится какое-нибудь подходящее помещение, надо очень долго.

Правда, в противоположном конце галереи было одно свободное помещение, но оно было для меня слишком мало и притом закрыто киосками, все же остальные помещения снимались прочными фирмами и рассчитывать на скорое их освобождение было невозможно.

Итак, я решил ждать.

Так как все старые приказчики наотрез отказались работать в моем магазине, мне пришлось взять новых.

Да и то нашлось лишь двое смельчаков, долго остававшихся без мест и согласившихся служить у меня на время ярмарки за двойное жалованье.

Раньше я их не знал, но собрал о них справки.

Один из них прослужил год в большом мануфактурном деле, после чего был уволен за какую-то грубость. Его звали Семеном Решкиным. Другой, англичанин Смитт Коптоун, служил когда-то в одном из русских банков и уволился сам, обидевшись на обыск, произведенный у него после исчезновения из этого банка крупной суммы.

Обыск был произведен и у многих других служащих, не придававших этому особого значения, но гордый англичанин обиделся и, несмотря на уговоры начальства, у которого был на очень хорошем счету, бросил службу.

С тех пор, по наведенным мною справкам, он жил очень бедно, предпочитая проживать скопленные гроши, нежели брать плохое место.

Его мне особенно рекомендовал директор того банка, в котором он служил, но англичанин не сразу согласился поступить ко мне на службу.

И только когда я рассказал ему всю историю с привидениями, он заявил мне с улыбкой, что его подбивает к этой службе одно любопытство и желание заработать на обратный путь на родину.

Ярмарка открылась.

С утра мы отворили магазин и только стали на места, как вдруг почувствовали нечто такое, отчего все трое вылетели из магазина, словно сумасшедшие.

В магазине стоял ужасный запах.

Это не была вонь, нет! Это был какой-то особенный, едкий, отвратительный запах, от которого кружилась голова и тошнота подступала к горлу.

Его нельзя было назвать сильным, и тем не менее действие этого запаха было настолько ужасно, что не было возможности не только оставаться в магазине, но и стоять около него в галерее.

Он, казалось, проникал во все щели и норы, наполняя собою воздух.

Покупатели, подходя к нашему магазину или проходя мимо, вдруг становились словно бесноватые и бросались бежать очертя голову, зажимая носы и испуская проклятия.

Соседние торговцы, привлеченные шумом, выскочили на галерею и, отбежав от нас на приличную дистанцию, орала во всю глотку, чтобы мы убирались к чертям и поскорее запирали наш прокаженный магазин.

Скандал усиливался с каждой минутой.

Рискуя потерять сознание, я подскочил к магазину, захлопнул отворенную дверь и запер ее на ключ.

В это время явилась полиция, привлеченная общим криком.

Узнав, в чем дело, пристав разозлился.

– Что это, в самом деле, такое! – закричал он. – У всех все идет по-людски, а у вас, словно нарочно, происходит нечто совершенно несуразное!

Я стал оправдываться, но он только махнул досадливо рукой.

Отперев ключом дверь, пристав вошел было в магазин, но сию же минуту выскочил оттуда словно ошпаренный, заткнув пальцами нос.

– Что это у вас! – заорал он не своим голосом. – Чего вы там насыпали, черт возьми!

Но я мог рассказать только то, что знал.

Мой рассказ подтвердили оба приказчика, и пристав составил протокол...

Для определения запаха были вызваны химик и врач, но и они выскочили из магазина словно бешеные, лишь только сунули туда нос.

Отбежав от двери на приличное расстояние, они долго стояли, глядя друг на друга, выпучив глаза, затем молча стали отплеиваться и наконец заявили, что никогда, ни в химии, ни в медицине, не встречали такого гнусного запаха.

Так как ни один рабочий не хотел входить в магазин, то вызвали несколько человек из пожарной команды.

Те первым делом выбили стекла в окнах, выходящих на улицу.

Когда магазин проветрился, они вошли внутрь, чтобы посмотреть, откуда исходит этот чертов запах.

Даже в проветренном магазине они не могли оставаться долго, но, выйдя оттуда, заявили, что запах исходит от наружной облицовки одного из прилавков.

Прилавок сломали и доски выкинули в окно.

Но вообразите же себе этот запах!

Не успели выбросить злосчастные доски на улицу, как лошади извозчиков, стоявших у этого места, начали сначала храпеть, потом метаться во все стороны и вдруг пустились вскачь по улице под аккомпанемент неистовой ругани извозчиков.

Приказчики подошли ко мне и заявили, что служить у меня больше не будут.

– Я не боюсь ваших привидений, – заявил мне Смитт Коптоун, – но нюхать подобные гадости не желаю. На этом месте вас преследует какой-то злой рок, и будет лучше всего, если вы перейдете в другое помещение. Там к вам пойдут и хорошие служащие, а здесь вы вряд ли просуществоуете при подобных условиях и неделю.

И оба ушли, пожелав мне всего хорошего...

Терехов снова замолк.

Шерлок Холмс слушал его с напряженным вниманием, видимо, очень заинтересованный этим рассказом.

Подлив вина в стакан, он подал его Терехову и, когда тот выпил, спросил:

– Чем же кончилась вся эта история?

– Тем, что жена моя, узнав про последний случай, стала еще сильнее просить меня сменить магазин, – ответил Терехов. – В конце концов я сдался и взял то самое помещение, которое оставалось в Главном доме свободным.

– Ну и что же? – любопытно спросил англичанин.

– Как только я очистил прежнее помещение, я стал следить за ним. Призрак, видимо, пронюхал о моем уходе и забастовал. После меня помещение некоторое время пустовало, но потом его снял какой-то грек Алферакки, торгующий оптом и в розницу восточными сладостями и фруктами.

– А у него как дела?

– Ни о каких привидениях он до сих пор не знает и в глаза хохочет надо мною, когда ему рассказывают про мои несчастья! – со злостью ответил Терехов. – Я и сам не верю в сверхъестественное, хотя то, что происходило в моем прежнем магазине, и было сверхъестественно. Но скорее можно подозревать чьи-нибудь проделки. Одним словом, я совершенно сбился с толку и, когда узнал о вашем присутствии в Нижнем Новгороде, решил обратиться к вам за советом. Сверхъестественно это или нет, но я хочу знать все определенно и готов заплатить пять тысяч рублей.

Шерлок Холмс улыбнулся.

– Это, кажется, составляет пятьсот фунтов стерлингов?

– Совершенно верно.

– В таком случае я к вашим услугам. Мы, англичане, пересчитываем каждый шаг и момент на деньги и, конечно, несмотря на живейший интерес, который вы вызвали у меня рассказом, я не стал бы терять времени даром. Потрудитесь написать обязательство и... кто знает? Может быть, мне удастся возвратить вам ваше прежнее помещение, но только без нечистой силы.

И, подойдя к столу, сыщик и купец стали составлять условие.

IV

Прошло несколько дней.

Был поздний вечер 27 июля.

Магазины давно уже закрылись, и ярмарка погрузилась в пьяный угар, которым издавна славился Нижний Новгород.

Теперь прежние времена уже канули в вечность, арфянки давно уж забыты, но тогда было иначе.

Лишь только запирались магазины, купцы спешили в рестораны, где звучали арфы и раздавались женские голоса.

Под взвизгивание полупевиц-полупроституток совершались торговые сделки, после которых в ярмарочных ресторанах шел пир на весь мир, бились в пьяном угаре тысячные зер-

кала и раздавались плюхи, которыми тогда еще совершенно дикие купцы усердно награждали оплошавших лакеев.

В этот вечер погода выдалась скверная.

Весь день дул сильный северный ветер, и дождь, не переставая, лил как из ведра.

Все живое давно уж спряталось под крыши ресторанов, тем более что было около полуночи.

В это-то отвратительное время из правого ресторана, помещающегося в парке перед Главным домом, вышли двое мужчин и направились мимо Флачной часовни к пристани на Оке.

Несмотря на ливень, собеседники не особенно торопились, видимо, занятые серьезным разговором, который вели между собою так тихо, что слов нельзя было расслышать на расстоянии пяти шагов.

Вслед за ними, держась в приличном отдалении, из того же ресторана вышел еще один человек, закутанный в непромокаемый плащ, с головой, покрытой капюшоном.

Это был не кто иной, как Шерлок Холмс, сыщик из Лондона. Три дня и три ночи, проведенные им на ярмарке, не остались без результата.

Он успел кое-что подметить и теперь не упускал из виду двух мужчин, шедших впереди.

На парходике он сел сзади них, стараясь вслушаться в их разговор, но это ему мало что дало.

Незнакомцы, хотя и говорили между собой, но разговор их касался лишь ярмарки и установившихся цен на некоторые товары.

Выйдя у Кашинской пристани, они простились, причем Шерлоку Холмсу удалось уловить фразу, сказанную одним из них:

– Итак, поздравляю с началом работы! До свидания.

В эту минуту темная фигура приблизилась к сыщику.

Это был доктор Ватсон, повсюду сопровождавший Шерлока Холмса.

– Ну что? – спросил он тихо.

– Пойдемте, мне надо поговорить с вами, – ответил англичанин.

– А эти? – спросил доктор.

– Эти никуда не денутся. Порознь они мне мало интересны.

Взяв извозчика, Холмс и Ватсон поехали в «Почтовые номера».

Запершись в комнате на ключ, они стали делиться добытыми сведениями.

– Я лично почти ничего не нашел. Я даже не знаю фамилий тех господ, за которыми вы следите! – печально произнес Ватсон. – По вашему совету я две ночи провел в кабачках Бентакуровского канала. Могу сказать, что среди их посетителей очень много подозрительных типов. Я сидел в трактире Тараканова, когда в него вошли двое мужчин. Что меня смущает, так это то, что фигурами они страшно напоминают тех, которые только что приехали с ярмарки и за которыми, как я заметил, вы следили...

– А какова была их наружность? – перебил Шерлок Холмс.

– Один брюнет, другой рыжеватый. Оба худошавы, носят усы и бреют бороды.

Англичанин быстро вскочил с места.

– Они, они, черт возьми! – воскликнул он с волнением. – Прошу вас, продолжайте и не думайте, будто ваша работа малоценна!

– Итак, они сели за соседний со мной столик, потребовав очень хорошую марку марсалы, – заговорил снова Ватсон. – Этой марки в трактире не оказалось, и, по настоянию пришедших, за вином было послано в другой трактир. Говорили они все время о том, что надо скорее начинать какую-то работу, так как иначе можно прозевать куш, предназначенный для ярмарки. В этом не было ничего подозрительного. Но когда принесенная бутылка была уже выпита, один из них произнес: «Лишь бы пробил начало! Дальше мы сами, а его... тово!» И после этого они заговорили очень тихо, но я успел расслышать несколько раз произнесен-

ные слова «Бентакуровский канал». Вы знаете, мистер Шерлок Холмс, что этот канал пользуется плохой славой. Он проходит по захолустью ярмарки, вдоль его берега стоит целый ряд самых низкопробных трактиров, и в водах канала полиция нередко находила трупы людей. Воды канала бесследно скрыли не одно преступление.

– Да, ваше сообщение имеет для меня огромное значение, – задумчиво произнес Шерлок Холмс.

Он некоторое время сидел молча, барабанил пальцами по столу.

По сдвинутым бровям и нахмуренному лбу видно было, что он обдумывает что-то очень важное.

Но вот наконец Холмс поднял голову.

Ватсон, ожидавший, что тот расскажет ему о своих похождениях, насторожился.

V

– Я вам скажу очень немного, – проговорил сыщик после долгой паузы. – Слепой случай обратил ваше внимание именно на тех людей, за которыми следил и я.

– И эти люди?..

– Англичанин Смитт Коптоун и грек Алферакки...

– Как! – воскликнул пораженный Ватсон. – Тот самый Алферакки, который снял в Главном доме бывший магазин Терехова?

– Он самый, – кивнул головой Холмс. – Я начал следить за обоими, вскоре мне удалось заметить, что между хозяином магазина и приказчиком без места существует тесная связь и дружба. Это открытие было для меня очень важно. Если бы Смитт Коптоун действительно нуждался, то, конечно, его приятель Алферакки устроил бы его у себя, тем более что грек нанял себе приказчика с очень скверной репутацией. Но раз он не взял Коптоуна, следовательно, последний, несмотря на то что долго был без места, не нуждался в заработке...

– Черт возьми, ваши наблюдения очень интересны! – воскликнул Ватсон.

– Постойте! – остановил его знаменитый сыщик. – Итак, рассказ Коптоуна о нужде есть чистейший вымысел. Из их постоянного таинственного общения я сделал заключение, что у них есть общее дело. Теперь сопоставьте следующие четыре факта: привидения у Терехова, поступление к нему Коптоуна, появление одновременно с этим ужасного запаха, чтобы заставить очистить магазин, и... занятие магазина Алферакки, хорошо знакомого с Коптоуном...

– Действительно!

– Итак, я рисую себе картину последних происшествий таким образом, – заговорил Шерлок Холмс. – Алферакки и Смитту Коптоуну зачем-то понадобился магазин Терехова. Конечно, тут скрыта какая-то тайна, и в конце концов нам удастся узнать ее. Думается, что мы накануне какого-то грандиозного преступления...

– Вы полагаете? – перебил Ватсон.

– Я уверен в этом. Итак, они решили выжить во что бы то ни стало Терехова и для этого стали проделывать в его помещении какие-то чудеса. Я еще не осматривал магазин, но уверен, что явления, происходившие там, были оптическими и, вероятно, эти люди очень учены. Воздействуя на суеверность, они заставили бросить службу приказчиков, но упорство Терехова продолжалось. Тогда к нему поступил Коптоун, который и вызвал последний скандал, заставивший Терехова освободить помещение.

– Но интересно, чем он намазал доски? – произнес Ватсон. – Я нюхал их. Несмотря на время, ужасный запах держится до сих пор. Я чуть не сошел с ума, как только понюхал их в полиции.

Шерлок Холмс улыбнулся.

– А я сразу узнал этот запах, – проговорил он. – Мне пришлось познакомиться с ним в Южной Африке, куда я ездил лет десять тому назад. Один негр хотел избавиться от обязанностей проводника в английском отряде. Дезертировать и рисковать быть расстрелянным ему не хотелось. И вот однажды, когда он пришел в лагерь, все чуть не сошли с ума. Лошади храпели и рвались на коновязях, быки ревели и носились по лагерю, опрокидывая палатки, люди с руганью и проклятиями бежали в разные стороны. От него исходил тот самый отвратительный запах.

Сам же проводник преспокойно ходил по лагерю, заявляя, что намазался так от комаров. Тогда под угрозой смерти ему приказали убраться ко всем чертям.

– Забавно! – воскликнул, хохоча, Ватсон. – Чем же это он намазался?

– Соком початка африканского дрока. Это растение попадает лишь в Южной и Центральной Африке, да и то встречается нечасто. Ну-с, я продолжаю. Коптоун нанялся приказчиком и, принеся с собой склянку этого гнусного сока, мазнул незаметно прилавок. Этим он достиг цели.

– А дальше? – спросил Ватсон.

– А дальше вот что, – ответил Шерлок Холмс. – Когда Терехов ушел с места, Алферакки тотчас же занял его, а Коптоун сейчас же оставил службу у Терехова, так как теперь его ждет другая работа, более существенная.

– Ваши выводы замечательно логичны! – воскликнул Ватсон.

– Вероятно, вдвоем они не могут справиться с предстоящей работой, – продолжал развивать свою мысль Шерлок Холмс, – так как говорят о каком-то третьем лице. Но с этим третьим лицом они отнюдь не хотят делиться и почему-то считают его для себя опасным. Они попросту посулят ему участие в деле, используют как рабочую силу и затем отстранят. Мне кажется, что и тут не обойдется без преступления...

– Вы думаете? – спросил Ватсон.

– Я уверен в этом. Какое-то странное предчувствие непредотвратимого несчастья живет во мне.

Знаменитый сыщик немного помолчал, а затем произнес:

– Итак, дорогой коллега, старайтесь не спускать глаз с Коптоуна, а уж за Алферакки примусь я. Сейчас мы расстанемся, но завтра надо приняться за дело с раннего утра. Какое-то таинственное преступление назревает у нас на глазах, и будет очень стыдно, если мы не успеем предупредить его.

– С вами я надеюсь на успех! – горячо воскликнул Ватсон. – А пока спешу выполнить ваш совет и хорошенько поспать, чтобы чувствовать себя завтра бодрее. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – ответил Шерлок Холмс, подымаясь с места и протягивая ему руку.

С этими словами они расстались, предварительно уговорившись о месте завтрашней встречи и об условных сигналах.

VI

Вскоре после полудня, на следующий день человек средних лет с темноватой длинной бородой, похожий по виду и манерам на средней руки купца, вошел в Главный дом ярмарки и направился не спеша по пассажиру.

Дойдя до магазина Алферакки, он посмотрел на вывеску, затем на товар в витрине и, почесав в затылке, вошел в магазин.

– У вас что же, оптовое дело будет? – спросил он, обращаясь к хозяину, стоявшему за вырубкой.

– Оптовое и розничное, – ответил тот, закрывая кассу и подходя к посетителю.

– Тэк-с... – произнес тот, поглаживая бороду. – А товар-то вы где выделываете? Чай, в России?

– Нет-с, извольте ошибаться, – самодовольно проговорил хозяин. – Мы получаем товар из Турции, Греции и Италии. Позвольте спросить: вы торгуете этим товаром?

– Торгуем, – ответил вошедший. – Дело у меня в Ельце и Орле, а оттуда и в некоторые другие города продаем. Кромы, примерно, Карачев, Грязи...

– Очень рад, – улыбаясь, поклонился Алферакки. – Смею думать, что нашим товаром останетесь довольны. Извольте сами посмотреть и попробовать.

И он широким жестом указал на прилавки и полки.

– Известно, без пробы и говорить не будем! – ухмыльнулся покупатель. – Небось наше дело торговое, а не языком только чесать.

– Конечно-с! – согласился хозяин.

Покупатель стал смотреть и пробовать товар, делая временами замечания, обнаруживавшие его знания в этом деле. Он медленно обошел все прилавки, требуя иногда тот или другой товар с полок.

Затем, попросив себе на образец по четверти фунта каждого сорта всех товаров, он заплатил деньги и, пообещав зайти через несколько дней, удалился из магазина.

Никто, конечно, не узнал бы в этом покупателе знаменитого сыщика Шерлока Холмса.

Выйдя из магазина, он взглянул на часы и быстро направился в один из ресторанов в садике перед Главным домом.

Ватсон уже ждал его, сидя за столиком у окна.

Они поздоровались и попросили подошедшего лакея проводить их в отдельный кабинет, где и заказали завтрак.

Тут они были одни и могли говорить без боязни, хотя и негромко.

– Вы следили за Коптоуном? – спросил Шерлок Холмс.

– Да, – ответил Ватсон. – Он виделся сегодня с Алферакки, но разговор их был частью не слышен, частью не понятен мне. Между прочим, мне удалось уловить одну фразу. Коптоун спрашивал приказчика, убран ли из магазина синемаграф...

Не успел Ватсон проговорить это слово, как Шерлок Холмс вскочил с места с выражением радости на лице.

– Ура! – воскликнул он. – Так вот каким образом применили в первый раз в России этот аппарат!

– В чем дело? – удивился Ватсон.

– О! Разве вы не читали ничего об этом знаменитом изобретении. Ведь это так называемая живая или движущаяся фотография!

– Читать-то читал, – ответил несколько обиженно Ватсон, – но при чем она в нашем деле?

– Это вы сейчас узнаете, – самодовольно проговорил Шерлок Холмс.

К сведению читателей надо пояснить, что в описываемое время синемаграф уже появился на свет божий, но в России еще не был широко известен.

– Не обратили ли вы внимания, Ватсон, на железную коробку, прибитую снаружи, около двери магазина Алферакки? – спросил Шерлок Холмс.

– Я видел ее, – ответил тот. – Это, по всей вероятности, вентилятор или электросчетчик.

– И всякий сказал бы, что это так, – кивнул головой Шерлок Холмс. – Никому не пришло бы в голову, что в нем расположен проекционный аппарат, еще не известный в России. В этом месте стена была пробита для вентилятора, и сквозь нее-то и проходил свет из аппарата, помещенного в коробке. Из рассказов Терехова я знаю, что задняя стена его магазина была занята полками с товаром, которые на ночь занавешивались полотняной занавеской. Эта занавеска и служила экраном. На ней-то и появлялась всякая чертовщина, или, попросту, картины синемаграфа с изображением пляшущих скелетов, гробов и т. п.

– Да, но как же действовал аппарат? – удивился Ватсон.

– Очень просто, – ответил Шерлок Холмс. – В нем есть приспособление, которое само наматывает ленту, благодаря чему она не выпадает из коробки, а тут же свертывается по мере прохождения через аппарат. Механизм же приводился в движение посредством электрических проводов, следы которых я припоминаю теперь на коробке. Ну-с, дорогой господин Ватсон, вы сегодня не потеряли даром времени! Продолжайте, продолжайте, может быть, я услышу от вас еще что-нибудь интересное...

– О, нет, – ответил Ватсон. – Это все, что я принес. Надеюсь, теперь и вы поделитесь со мной вашими наблюдениями.

– С удовольствием! – проговорил Шерлок Холмс. Он закурил сигару, выпил рюмку бенедиктина и, запив ее черным кофе, начал рассказ.

VII

– Я подробно осмотрел сегодня магазин Алферакки. Первоначальный наружный осмотр заставил меня несколько призадуматься над коробкой, которую вы приняли за электрический счетчик. Правда, я этого не подумал, но мой осмотр был слишком поверхностным, чтобы можно было угадать действительное ее назначение. Благодаря вам я понял все и на этом не буду останавливаться. Мое внимание было направлено на внутренность магазина. Я успел обойти все прилавки и, главным образом, осмотреть полки, причем сделал очень существенное открытие. Левая боковая стена почти вся, за исключением небольшого куса в самой глубине магазина, очень тщательно скрыта огромным шкафом с полками. Однако, судя по глубине полок и боковых стенок самого шкафа, он вовсе не соприкасается задней своей стенкой со стенкой постройки. Глубина полок четверти на две меньше толщины самого шкафа, если судить по боковым стенкам. Значит, между задней стенкой шкафа и стеной постройки есть свободное пространство и ход в него из левого заднего угла магазина.

– Гм... вот это так открытие! – воскликнул Ватсон.

– Это только преддверие открытия, – возразил Шерлок Холмс. – Главное заключается в том, что, прикрываясь шкафом, компания ведет за ним деятельную работу.

– А именно?

– Осматривая магазин, я несколько раз заглядывал на пол за стойками, и мне удалось заметить на нем крошечные осколки кирпича и извести, занесенные туда, очевидно, ногами. Кроме того, сору за прилавками гораздо больше, особенно за левым и задним. Наша милая компания работает над стеной и куда-то добирается. Слева от них находится мануфактурный магазин, но... гм... Нам необходимо выяснить этот вопрос сегодня же вечером, иначе мы можем опоздать.

Шерлок Холмс замолчал и погрузился в глубокую задумчивость.

– Ну-с, доктор, – заговорил он наконец, – поспешите переодеться в завсегдатая кабаков Бентакуровского канала, а я тем временем схожу кое-куда. Я буду у трактира Вертунова через два часа, и вы узнаете меня по паре дырявых сапог, которыми я буду размахивать в воздухе.

Они простились и разошлись каждый в свою сторону.

Было часов шесть вечера, когда в один из трактиров на берегу Бентакуровского канала вошли трое посетителей.

Это были грек Алферакки, Смитт Коптоун и приказчик Алферакки – Иван Воськов.

Следом за ними на набережной появился и типичный золоторотец¹ с парой дырявых сапог в руке, которыми он разухабисто размахивал в воздухе.

Около трактира Вертунова к нему подошел крючник, и оба они остановились.

---

¹ Золоторотец – бродяга, босяк.

Это были Шерлок Холмс и Ватсон, успевшие так изменить свою внешность, что их не узнал бы решительно никто.

– Они вошли туда, – тихо произнес сыщик, указывая на трактир, куда вошли трое пришедших. – Иван Вельков уже порядочно пьян, а те двое только притворялись пьяными. Смотрите же, Ватсон, не спускайте с них глаз. А пока... пойдете-ка тоже в этот трактир.

Постояв немного на улице и поругавшись для виду с двумя-тремя прохожими, они вошли в трактир.

Но тех, за которыми они следили, в нем не было.

Они, вероятно, заняли отдельную комнату.

Посидев немного, Шерлок Холмс подозвал полового.

– А ну-ка, малец, отведи-ка нам стойло, – попросил он грубоватым хриплым голосом.

Половой посмотрел на них пытливым взором.

– А здесь мало вам места?

Шерлок Холмс ухмыльнулся и хитро подмигнул ему.

– А ты, малый, не кобенься! Значит, «маз» есть, коли в трактире тесно! – с гордостью произнес он.

Обращение полового сразу изменилось.

Этот человек привык вращаться среди бродяг и воров и прекрасно понимал, что, если вор гуляет, значит, и ему перепадет.

– Не бойсь! Деньги вперед платить будем! – самодовольно бросил сыщик.

Это заявление окончательно убедило полового в том, что гости взаправду сделали какое-то «дело», и тон его стал совсем дружественным.

В трактире были три отдельные каморки, громко именуемые кабинетами, а золоторотцами – стойлами.

Пройдя вслед за половым в коридорчик, Шерлок Холмс и Ватсон услышали в одном из «кабинетов» голоса и поэтому заняли соседнее помещение.

Сюда они потребовали две бутылки водки, закуску и пиво.

Вскоре они стали гулять.

Сначала они говорили громко, орали песни и ругались, но это не мешало их привычным ушам внимательно прислушиваться к каждому слову, произносимому в соседнем кабинете.

Судя по разговору, Алферакки и Коптоун уговаривали пить Велькова.

Тот, видимо, уже порядочно нахватался.

Он пел, орал и вел себя самым разухабистым образом.

Вдруг Вельков крикнул:

– Наплевать! Еще только один удар лома да маленько пилой – и мы богачи.

– Тише, черт! – зашипел на него один из его компаньонов.

В это время Шерлок Холмс во все горло заорал пьяным голосом какую-то песню.

За стеной раздалась в ответ крепкая брань.

Шерлок Холмс замолчал.

Пьяный приказчик еще несколько раз пытался что-то выкрикивать, но товарищи не давали ему говорить, вливая в такие минуты ему в рот вино или коньяк.

Между тем уже совершенно стемнело.

Наконец наступила и ночь, а в обоих соседних кабинетах продолжался разговор.

Но вот у заговорщиков вдруг замолкли голоса и раздался громкий храп.

Немного погодя Коптоун крикнул, поддельваясь под пьяный тон:

– Половой, получай!

Послышался спор о количестве выпитого, затем половой, вероятно, получив деньги, вышел и снова вернулся со сдачей.

Пользуясь этим временем, Ватсон выскочил в трактир и расплатился с буфетчиком.

Когда он вернулся к Шерлоку Холмсу, в соседней комнате шла возня.

Пьяный приказчик, вероятно, не мог прийти в себя и лишь тяжело дышал, испуская жалобные стоны, а двое приятелей старались вывести его из трактира.

Вероятно, они взяли его под мышки, так как вскоре вслед за этим в коридоре послышался беспорядочный топот и шарканье ног пьяного, которого волокли насильно.

Подождав с полминуты, Холмс и Ватсон тоже покинули кабинет и, выйдя на улицу, неслышным шагом скользнули за таинственными предпринимателями.

Ночь была так темна, что в двух шагах невозможно было разглядеть даже человеческий силуэт.

VIII

Обе группы медленно двигались вдоль набережной Бентакуровского канала.

Кругом царил тишина, изредка прерываемая пьяным всхлипыванием или воплем какого-нибудь босняка, ночующего на берегу.

Здесь не видно было ни фонарей, ни городских, да сюда никто и не ходил в эту пору.

С каждым шагом местность делалась все глуше и угрюмее.

Вдруг впереди, вероятно, из какой-то ямы, раздался хриплый заспанный голос:

– Ванюха, а Ванюха! Слышишь – идут! Пойдем-ка пощупаем.

В темноте послышался шорох и шарканье опорок.

Шерлок Холмс остановил Ватсона и, пригнувшись к самому его уху, едва слышно прошептал:

– Золоторотцы услышали посторонние шаги. Сейчас будет драка!

И действительно, не прошло и минуты, как тот же хриплый голос, обращаясь, по всей вероятности, к передней группе, сурово крикнул:

– Стой, не то уьем!

Секунд пять длилось гробовое молчание.

Вдруг раздались звуки нескольких ударов, от которых бы разлетелись и кости.

Каких-то два мягких предмета покатались на землю, и глухие стоны огласили берег Бентакуровского канала.

– Что?! Пограбили? – раздался насмешливый голос Коптоуна. – Лежите, пока живы! Прикончить ведь недолго!

И, судя по шагам, передняя группа снова пустилась в путь.

Холмс и Ватсон следили за ними, сократив расстояние до десяти шагов.

Но вот шаги впереди вдруг смолкли.

– Можно здесь! – раздался очень тихий голос Смитта Коптоуна.

Холмс и Ватсон замерли на месте, зажав в руках револьверы.

Между тем впереди них бандиты совещались, и тихие голоса их, пониженные до шепота, благодаря ночной темноте явственно доносились до слуха сыщиков.

– Один удар, и готово! – говорил Алфракки.

– Зачем? Я вовсе не намерен проливать даром кровь, когда дело свободно может обойтись и без этого! – возражал Коптоун. – Он пьян, а кроме того, я подсыпал ему достаточную дозу сонного порошка. Стоит только бросить его в такое место, где глубина воды достигает до полуаршина², и он захлебнется, не почувствовав даже воды...

– А если проснется? – усомнился Алфракки.

– Ах, боже ты мой! – нетерпеливо возразил англичанин.

---

² Аршин – русская мера длины, равная 0,71 см.

– Неужели же мне впервые проделывать это? Для того чтобы человек утонул в подобном состоянии, достаточно одного ведра воды! Ткнул его головой в ведро – и готово! Шевелиться-то ведь он не может!

– И вы за это ручаетесь?! – недоверчиво спросил грек.

– Ну конечно же! Валяй, тащи его в канал! Нам надо торопиться, иначе станет светать. В десять часов сойдутся служащие, а к этому времени нам надо быть далеко отсюда.

В темноте снова раздались осторожные шаги и шуршание тела, которое волокли за собою грек и англичанин.

Дав бандитам отойти на несколько шагов, Шерлок Холмс нагнулся к самому уху Ватсона и прошептал так тихо, что последний еле смог уловить его слова:

– Вы останетесь здесь. Следуйте за ними по пятам. Они бросят в канал приказчика и скроются. Вы сейчас же отыщите брошенного, благо канал мелок, вытащите его из воды; если он захлебнется, то откачайте и, доставив в ближайший участок, спешите в ярмарочное отделение Государственного банка и там спросите меня.

С этими словами Шерлок Холмс тихонько толкнул Ватсона вперед, а сам, отстав от него, остался на месте.

Вдруг где-то недалеко от него раздался всплеск воды.

Затем несколько секунд все было тихо, и наконец раздались звуки быстро удаляющихся шагов.

Шерлок Холмс пошел за ними, держась от преступников на расстоянии шагов пятнадцати.

Но, когда на улице стали попадаться фонари, он отстал.

Ему хотелось лишь посмотреть, в какую сторону пойдут приятели.

Когда он заметил, что Алферакки и Смитт Коптоун направились прямо к Главному дому, он быстро повернулся и бегом пустился наискосок, в одну из прилегающих улиц.

Добежав до одного из парадных подъездов, он позвонил. Городовой, стоявший на посту, сначала удивленно взглянул на него, потом подошел.

– Ты это что делаешь, босая команда? – крикнул он грозно.

– Тише! – ответил сыщик. – Или не видали никогда агентов сысского отделения?

Эта фраза произвела действие. Но все-таки осторожный городской потребовал документы и лишь после этого окончательно успокоился.

На звонок внутри дома слышались шаги, и мужской голос за дверью спросил:

– Кто там?

– Сыщик Шерлок Холмс, – ответил англичанин.

– А другой?

– Это я, постовой, – ответил городской. – Отворяй, Иван Михалыч, не бойся!

Вероятно, камердинер Иван Михалыч был хорошо знаком с ним, так как сразу узнал его голос и немедленно отпер дверь.

– Что случилось? – спросил он тревожно, впуская пришедших в переднюю.

– Директор ярмарочного отделения Государственного банка дома? – спросил сыщик.

– Дома. Да что случилось? – снова с беспокойством спросил камердинер.

– Пока ничего, но он мне нужен немедленно по очень важному делу, – резко перебил его англичанин. – И если вы вместо того, чтобы идти с докладом, будете заниматься праздными расспросами, я возложу всю вину на вас.

Перепуганный камердинер опрометью бросился в комнаты, попросив сыщика пройти налево в гостиную.

Через минуту выскочил и сам директор банка.

Так как у него были гости, он еще не ложился спать и поэтому был совершенно одет.

Это был средних лет мужчина крепкого сложения, с сильно пробивающейся сединой в волосах и маленькой острой бородкой.

Когда он выскочил в гостиную, вид у него был совершенно растерянный.

Вероятно, предупрежденный камердинером, он несколько не удивился, что видит перед собою босняка.

– Ради бога, что случилось? – спросил он встревоженно.

– Никто не знает, что мы вас вызвали? – вместо ответа спросил сыщик.

– Нет... никто... В этой гостиной я принимаю только по делам, но... скажите же мне, что значит ваш визит? – ответил директор.

– Вашему банку грозит опасность, и я попрошу сию же минуту распорядиться по телефону, чтобы в отделение прислали двух вооруженных агентов. Вы же сейчас захватите с собой кассира или того, у кого находятся ключи от денежной кладовой, и вместе с ним следуйте за нами. По дороге я вам расскажу все.

Директор оказался человеком умным.

Он не стал больше ни о чем расспрашивать и бросился прямо к телефону.

Через несколько минут все распоряжения были сделаны, а камердинер директора приказал поскорее запрячь лошадь.

Надо заметить, что Шерлок Холмс заранее, как только взялся за дело Терехова, заявил об этом нижегородской полиции и заручился от нее соответствующим документом.

Сев в экипаж, директор вместе с Шерлоком Холмсом понеслись к парадному подъезду Главного дома ярмарки.

Для посторонней публики этот вход был закрыт, так как в верхнем этаже Главного дома помещались лишь канцелярия губернатора, отделение Государственного банка и прочие правительственные учреждения.

– Вы захватили с собой револьвер? – спросил сыщик директора, как только лошадь тронулась.

– Да, – ответил тот. – Но вы обещали мне разъяснить, в чем дело.

– Теперь с удовольствием! – ответил Холмс. – Дело очень простое. На время ярмарки в Главном доме открывается отделение Государственного банка, и к началу его деятельности в кладовой хранятся большие суммы...

– Совершенно верно, – ответил директор.

– Так вот, на эти суммы нашлось двое желающих. Как раз под вашим отделением помещаются два магазина: мануфактурный и Алферакки, бывший Терехова.

– Совершенно верно, – снова подтвердил директор.

– Вы, конечно, слышали о таинственных явлениях, происходивших у Терехова?

– Как же!

– Ну так вот, – кивнул головой сыщик. – Греку Алферакки и его товарищу нужен был именно этот магазин, так как он помещается как раз под кассой и кладовой банка. Это я определил тотчас же, как только посетил ваше отделение. Разными поддельными чудесами им удалось выжить из помещения Терехова и самим занять его место. Теперь же у них уже пробит ход в помещение между их потолком и вашим полом, под самой кладовой и... по моему расчету и некоторым данным, которые вы узнаете впоследствии, незваные гости должны пожаловать в вашу кладовую сегодня, чтобы завладеть кассой.

– Господи Иисусе! – прошептал взволнованно директор.

– Вот поэтому-то мне и необходимо, чтобы наше появление в банке не произвело ни малейшего шума, – договорил сыщик.

В эту минуту экипаж уже приближался к парадному подъезду Главного дома.

Не дав ему подъехать, Шерлок Холмс приказал кучеру остановить лошадь и подогнать к пристани.

Сами же они тихонько подошли к подъезду и отворили дверь ключом, который был у директора.

Поднявшись по лестнице, они зашли в караульное помещение, где директор прямо обратился к начальнику охраны:

– Здесь готовится преступление, и раскрытие его зависит от безусловной тишины. Поэтому пусть все будет так, как и было. Прикажите разводящему впустить нас в кладовую, а сами с караулом явитесь, как только услышите свисток. Мы засядем в кладовой, и дверь в нее пусть будет лишь притворена.

– Слушаюсь, – поклонился офицер.

В это время в караульное помещение вошли вызванный по телефону кассир, три агента и Ватсон.

– Это все свои люди! – сказал Шерлок Холмс. И, оборотясь к пришедшим и директору, он добавил:

– Будьте любезны, господа, снять обувь. Наши шаги должны быть не слышны.

Все шестеро разулись и вместе с разводящим направились в помещение банка.

Вскоре дверь кладовой отворилась, печать с денежного ящика была снята, и разводящий, попросив директора расписаться в книге, удалился.

Включив свет, знаменитый английский сыщик осмотрел помещение кладовой.

Это была небольшая комната, заключенная в толстые каменные стены, с полом, обитым листовым железом.

Посреди комнаты стоял большой кованый железный сундук, а вход в нее защищали крепкая железная решетка и обитая железом дверь.

Посмотрев на эту крепкую защиту, Шерлок Холмс покачал головой.

– Чтобы добраться до денег, надо немало поработать! – прошептал он.

Затем стал размещать агентов.

Себе и Ватсону он определил место за ящиком, остальным же приказал выйти из комнаты и оставаться около двери, ожидая сигнала.

– Если вы, услышав свисток, вскочите в кладовую и не увидите нас, то бросайтесь прямо в денежный сундук, – шепнул он агентам.

И, чтобы пояснить свою мысль, он добавил:

– Весьма возможно и даже более вероятно, что злодеи не выведут ход прямо в кладовую, а пропилят снизу дно денежного сундука. Это гораздо безопаснее, и предварительная работа будет совершенно незаметна для постороннего глаза.

– Пожалуй, – согласился директор, все время слушавший и следивший за действиями сыщика с нескрываемым интересом и восторгом.

Сыщик еще раз бросил вокруг себя взгляд и прошептал:

– Ну-с, господа, теперь прошу вас занять указанные вам места и сидеть как можно тише. Малейший шум, легкий кашель, движение ногой или рукой могут выдать наше присутствие, и тогда мы проиграем все дело.

Повинуясь руководителю, все, кроме Шерлока Холмса и Ватсона, вышли из кладовой, тихо притворив за собою дверь.

Перед уходом директор по требованию сыщика отомкнул замки денежного сундука.

IX

Оставшись в кладовой вдвоем с Ватсоном, Шерлок Холмс открыл крышку железного, наполненного золотом и кредитными билетами сундука, затем опустился вместе с Ватсоном на пол и потушил свет.

Наступила могильная тишина.

Положив около себя револьверы, сыщики лежали на полу без движения, словно мертвые. Время тянулось страшно медленно.

Снизу не доносилось ни малейшего звука, ни шороха, способного обнаружить близость грабителей.

Так прошло около часа.

Но вот наконец где-то далеко под полом послышался легкий шорох.

Сначала он был очень неясным.

Но постепенно шорох становился все слышнее и слышнее.

Наконец до слуха сыщиков долетел легкий скрип, словно кто-то ступал по непрочным ступеням лестницы.

Этот звук исходил не из-под денежного сундука, а словно из угла кладовой.

Затем на несколько секунд шум стих. Шерлок Холмс нагнулся к самому уху Ватсона и едва слышно шепнул:

– Ход проделан в стене, а оттуда он идет между полом и потолком.

Проговорив это, он снова замолк и приник ухом к железному настилу пола, прислушиваясь к малейшим звукам.

Кто-то чуть слышно зашевелился под полом, и под самым денежным сундуком раздался осторожный скрип инструмента.

К первому инструменту присоединился звук второго.

Было очевидно, что под сундуком с лихорадочной поспешностью работают двое.

Шерлок Холмс подполз ближе к сундуку и положил ладонь на кредитные билеты, чтобы чувствовать, на всякий случай, малейший шорох под ними.

Напильники внизу работали непрерывно.

Прошло около часа.

Вероятно, инструмент постоянно смазывали салом, поэтому звуки были настолько слабы, что наружный часовой не мог их слышать.

Но вот все стихло.

Минуты две длилось гробовое молчание, затем внизу послышалась легкая возня, словно под полом бегали мыши.

И вдруг Шерлок Холмс почувствовал, что деньги под его ладонью дрогнули и всей своей массой стали опускаться вниз. Опытный сыщик сразу смекнул, в чем дело.

Тихо дотронувшись до плеча Ватсона, он взял его руку и сунул ее в сундук.

– Как только я дерну вас за руку, бросайтесь прямо в ящик! – шепнул Холмс.

Сам он тихо встал на ноги и нагнулся над ящиком, следя рукой за тем, как дно его довольно быстро и неровно опускается вниз вместе с деньгами.

Как только верхний слой денег понизился почти до нижних краев сундука, Холмс дернул Ватсона за руку, с быстротой молнии включил свет, и оба сыщика прыгнули внутрь сундука.

Раздался резкий свисток тревоги.

В ту же секунду дно сундука, которое грабители опускали на руках, под тяжестью двух сыщиков рухнуло вниз.

Грабители, не ожидавшие прибавления восьмипудовой тяжести, не удержали железной доски и выпустили ее из рук, покотившись в разные стороны.

Все это произошло в две-три секунды, события сменялись с быстротой молнии.

Падение было неглубоким.

Между полом верхнего этажа и потолком нижнего было не более полутора аршин, так что только неожиданность слегка ошеломила сыщиков и грабителей.

Через секунду обе стороны уже оправились, и в тесном пространстве завязалась отчаянная борьба не на жизнь, а на смерть.

Х

Лишь только Шерлок Холмс и Ватсон почувствовали, что упали на твердую почву, они вскочили на ноги и, выхватив револьверы, бросились на Коптоуна и Алферакки. Те, в свою очередь, подумали, что их преследуют только двое, и тоже кинулись на своих противников с револьверами. В подземелье грянуло несколько выстрелов.

Но в этот момент сверху подоспела помощь.

Три агента и весь караул уже лезли в образовавшееся отверстие, бряцая оружием.

Разбойники сразу поняли, что их дело проиграно.

Дав несколько выстрелов наобум, чтобы хоть на полминуты приостановить преследование, они бросились к пробитому в стене ходу, надеясь спастись через нижний магазин.

Ватсон, раненный в руку, со стоном повалился навзничь.

Алферакки уже успел добежать до хода, но грохнулся плашмя, споткнувшись о Шерлока Холмса, который с быстротою молнии кинулся ему под ноги.

Несколько солдат в ту же секунду навалились на разбойника...

Коптоун был менее счастлив.

Легко раненный в ногу в начале перестрелки, он отстал от товарища и моментально был окружен преследователями.

Видя, что спастись невыносимо, он решил продать свою жизнь дорогой ценой.

С глухими проклятиями ринулся он прямо в гущу врагов и тремя выстрелами уложил двух солдат.

Но в это время один из караульных, расвирепевший от борьбы, изо всей силы ткнул его штыком прямо в лицо.

Удар был настолько силен, что штык пробил насквозь череп и злодей упал бездыханным.

Алферакки был скручен по рукам и ногам, к разбросанным деньгам был приставлен караул, и кассир принялся их пересчитывать.

Все остальные, ведя преступника, выбрались из норы и направились в полицейское управление.

Известие об ограблении банка уже облетело всю полицию, и Шерлок Холмс был встречен как герой дня.

Благодарности со всех сторон сыпались на него как дождь.

Сюда же, в полицейское управление, был доставлен и третий участник покушения – приказчик Веськов.

Доктор живо привел его в чувство, и, узнав, как хотели поступить с ним «товарищи», Веськов чистосердечно признался во всем.

До суда на Алферакки и Веськова были надеты надежные кандалы, и их отправили в тюрьму.

В тот же день сыщик зашел к Терехову.

– Ваш магазин снова освободился, и вряд ли в нем появятся теперь привидения, – сказал он с улыбкой. – Но стену вам придется отремонтировать.

И он рассказал купцу о том, что произошло.

Обрадованный Терехов тут же отчитал Шерлоку Холмсу обещанную сумму, сказав, что заплатит и Ватсону, и сию же минуту полетел в Главный дом...

XI

Обыск, произведенный в квартире Алферакки, только подтвердил предположения Холмса.

В этой квартире был найден проекционный аппарат, инструменты и воровская переписка, благодаря которой впоследствии удалось изловить целую шайку преступников.

Обыск в квартире убитого Коптоуна привел к неожиданному открытию. У «бедного» англичанина было найдено в матрасе шестьдесят тысяч рублей и два выигрышных билета, по номерам которых удалось установить, что Коптоун имел непосредственное отношение к пропаже денег в том банке, в котором служил.

Банк получил найденные деньги и выдал по три тысячи Шерлоку Холмсу и Ватсону, который через несколько дней успел оправиться от полученной раны.

А через месяц полиции удалось установить и личность Алфракки.

Он оказался беглым каторжником Давидом Габудидзе, прославившимся когда-то своими разбоями и зверствами на Кавказе.

Печать Таджики

I

Работа по розыску одного из крупных преступников занесла нас с Шерлоком Холмсом в Казань.

Прожив в этом городе около месяца, мы возвращались назад, взяв двухместную каюту на одном из пароходов общества «Самолет». Мы решили прокатиться по Волге до Ярославля и оттуда поездом доехать до Москвы.

Плыть по реке было очень спокойно, погода стояла хорошая, и мы все время проводили на палубе, любуясь живописными видами волжского побережья.

Шерлок Холмс повеселел, его сплин временами совершенно исчезал, и я от души радовался, глядя на своего друга.

Так продолжалось несколько дней.

Пароход миновал Нижний Новгород, а на следующий день мы уже подошли к Костроме.

В этом городе наш пароход должен был получить большой груз, и капитан объявил, что мы можем вполне рассчитывать на двухчасовую стоянку.

– Не хотите ли прогуляться по городу, дорогой Ватсон? – предложил мне Шерлок Холмс, как только пароход стал пришвартовываться к костромской пристани.

Я охотно согласился, и мы отправились в город.

Но полупустынная Кострома не представляла из себя ничего интересного, и мы, побродив менее часа, вернулись на пристань.

Тут кипела лихорадочная работа.

Десятка два грузчиков, нагруженных тяжелыми тюками, вереницей шли на пароход и, скинув их, спешно возвращались назад за новыми.

Часть крючников перетаскивала груз из пакгауза на пристань.

Мы остановились у дверей в пакгауз и молча наблюдали эту снующую толпу.

Так прошло около двадцати минут.

Вдруг одна фраза, произнесенная сзади, заставила нас невольно насторожиться и повернуть головы.

Говорил пакгаузный, обращаясь к агенту пароходного общества:

– ...долго не берут! Вчера пришел в пакгауз – слышу вонь. А откуда – неизвестно. Только будто из угла несет... Сегодня утром перерыл всю кладь, багаж и нашел...

– Что же там такое? – спросил пароходный агент.

– Из корзины несет! – ответил пакгаузный. – Невозможно стоять. Корзина багажом до Костромы из Казани сдана в пакгауз с парохода пять дней тому назад, а получатель не приходит...

– Пойдем-ка посмотрим, – проворчал недовольным тоном пароходный агент.

Какое-то странное, инстинктивное чувство потянуло нас за говорившими, и следом за ними мы вошли в пакгауз.

Мой нос сразу ощутил сильную вонь, стоявшую там.

Пароходный агент поморщился и неистово плюнул.

– Черт знает что такое! – выругался он. – Вынь эту мерзкую корзину; в ней, должно быть, протухшее мясо! Надо будет составить акт, позвать полицию и выбросить ее ко всем чертям. Сходи-ка за речной полицией.

Пакгаузный выбежал из помещения и вскоре возвратился с несколькими чинами речной полиции.

Заявив о том, что протухший товар в корзине портит воздух в пакгаузе, пароходный агент попросил вскрыть корзину.

Заинтересованные, мы невольно приблизились к этой группе.

Корзину развязали и открыли крышку.

Страшное зловоние пахнуло из нее.

В корзине лежал тюк, тщательно обмотанный в толстый брезент.

Подрезанный с трех сторон брезент был сброшен, и в одну секунду все присутствовавшие с ужасом отскочили в сторону.

В брезент был упакован человеческий труп, разрезанный на куски.

В том, что труп этот принадлежал человеку, не было никакого сомнения, так как отрубленная кисть руки, лежавшая сверху, сразу бросалась в глаза.

– Черт возьми! – произнес Шерлок Холмс, приближаясь к корзине. – Товар, видимо, давнишний!

– Я бы попросил вас убраться из пакгауза! – свирепо налетел на него полицейский офицер, только теперь заметивший наше присутствие.

– А отчего бы не просто «выйти»? – с усмешкой спросил Холмс.

Эта простая фраза взбесила полицейского, видимо, не привыкшего к замечаниям.

– Вот сведу в участок! – заревел он, открывая зачем-то портфель, словно собирался писать протокол.

– Прекрасно сделаете, – невозмутимо ответил Холмс. – Можете записать мое имя. Меня зовут Шерлок Холмс.

Картина получилась великолепная.

Полицейский чин, совершенно сконфуженный, растерянно забормотал извинения.

Все же остальные, услышав имя знаменитого сыщика, молча глядели на него широко открытыми глазами, забыв и о корзине, и о разрезанном на куски человеке.

Как ни в чем не бывало Шерлок Холмс повернулся на каблуках и молча вышел из пакгауза.

Следом за ним пошел и я.

II

Взойдя на пароход, мы прошли в столовую и сели за один из столиков, намереваясь закутить.

Но не успели мы дожидаться лакея, как в столовую быстро вошли местный полицеймейстер, два пристава и полицейский чин, набросившийся на нас в пакгаузе.

Вероятно, нас показали полицеймейстеру раньше в окно, так как он подошел прямо к нам.

– Я глубоко извиняюсь за маленькую бестактность одного из своих подчиненных, – заговорил он вежливо, обращаясь к Холмсу, – но в горячке и при подобных происшествиях люди часто теряют голову...

– Именно то, чего не должен делать полицейский чиновник, – пожал плечами Холмс. – В Англии за это очень строго взыскивают.

– Совершенно верно! – согласился полицеймейстер. – Но я вас очень прошу забыть этот печальный случай.

Полицеймейстер присел к нашему столику и заговорил с нами так мило и дружелюбно, что Холмс наконец замахал руками.

– Да ну его! Я давно забыл это! Ведь если бы, путешествуя по России, я запоминал все маленькие и большие неприятности, к которым мы, англичане, не привыкли, мне давно следовало бы удавиться.

Разговор изменился, и мы заговорили о совершенном преступлении.

Но в это время раздался третий свисток, и нам пришлось проститься. Мы отправились из Костромы и через сутки были уже в Москве.

Но произошедшее у нас на глазах событие продолжало сильно интересовать нас.

Газеты сообщали о нем ежедневно, но все сведения были крайне неутешительны и показывали, что следствие идет туго и вряд ли кончится раскрытием преступления.

Главное, что следствие не могло установить никаких мотивов этого убийства.

Личность убитого оставалась также невыясненной, хотя можно было ожидать, что этот вопрос скоро решится, так как преступники, изуродовав его лицо, не успели или просто не догадались уничтожить одежду.

Выяснилась личность покойного, им оказался граф Петр Васильевич Тугаров, владелец небольшого имения в Казанской губернии и дома в самой Казани.

Личность убитого, как и ожидали мы с Холмсом, удалось выяснить благодаря графине Тугаровой, прочитавшей объявление и извещавшей в письме, полном отчаяния, что ее муж, живший с нею вместе в Орле, неизвестно куда пропал три недели тому назад и по приметам похож на найденный труп.

На публикации об убийстве и костюме убитого ждали ответа от кого-либо из родственников или близких покойного.

Судя по материалу костюма и золотой шейной цепочке, можно было лишь догадываться, что убитый принадлежит к обеспеченному классу, все же остальное было покрыто мраком неизвестности.

Через несколько дней дело немного изменилось к лучшему.

Но и это открытие не привело ни к какому результату, и следственные власти по-прежнему продолжали толочь воду в ступе, не продвигаясь ни на шаг.

III

Был вечер.

Вместе с Холмсом мы только что вернулись с прогулки, и он принялся было писать письма в Англию, когда в дверь постучались.

На мой отклик «войдите» в комнату вошла дама, одетая в изящный траурный туалет, с длинным крепом, спускавшимся от шляпы до самого пола.

На вид ей было лет двадцать шесть.

Роскошно сложенная, с правильными чертами красивого смуглого лица и черными волосами, она совершенно не соответствовала русскому типу.

Окинув нас взглядом, она печально поклонилась и приблизилась ко мне.

– Один из вас, вероятно, мистер Шерлок Холмс? – спросила она.

Я указал на моего друга.

– Прошу садиться, сударыня, – пригласил ее Холмс.

Не заставляя повторять приглашение, дама опустилась в кресло.

– Я – графиня Тугарова, – заговорила она тихим голосом, в звуках которого мне снова послышалось что-то нерусское. – Я была в Костроме, где найдено тело моего мужа, и там случайно узнала о вас. Мне сказали, что вы уехали в Москву, и вот я наконец разыскала вас при помощи здешней полиции.

Шерлок Холмс слегка поклонился.

– Простите, – заговорила графиня просительным тоном. – Я так много слышала о вас, что неудивительно, если прошу вашей помощи. Насколько я вижу, следствие не приводит ни к каким результатам...

Она круто оборвала речь и вдруг заговорила по-английски:

– Вы должны помочь мне! Когда-то и я была подданной одной с вами метрополии. Я слишком многим обязана своему мужу и решила во что бы то ни стало добиться наказания злодея.

При первых же звуках ее голоса Холмс улыбнулся.

– Без сомнения, вы не мулатка, но кто-нибудь из ваших родителей принадлежал к этой расе, – проговорил он.

– Вы угадали, – совершенно просто ответила графиня. – По отцу я мулатка, а мать моя была англичанка.

– Вы меня простите за это маленькое отступление, – улыбнулся Шерлок Холмс, – но больше я не буду перебивать вас без нужды. Итак, я слушаю вас. Если вы хотите, чтобы я взялся за ваше дело, вы должны рассказать мне все по порядку, не упуская ни малейшей подробности.

Он сел поудобнее в кресле и повторил:

– Я вас слушаю.

IV

– Мы приехали в Россию давно, – начала свой рассказ графиня. – Но если вы хотите знать все, я должна начать рассказ о себе самой. В настоящее время мне двадцать один год, мужу же моему недавно исполнилось сорок пять. Сначала я была его приемышем. Он не раз говорил мне, что во время путешествия по Индии он как-то остановился в Бомбее, где нанял небольшой особняк. Вот тут-то он и получил меня в подарок. Попросту, меня подбросили ему, когда мне было три года. Сначала он думал было отправить меня в полицию, так как холостому человеку трудно возиться с ребенком, но потом передумал и решил вывезти меня на свою родину как курьез. Я говорю это с его слов, так, как он сам мне рассказывал о своем прошлом. В то время, когда меня подкинули, ему было двадцать три года. Пока он жил в Бомбее, я была на попечении старухи-индианки, которая, конечно, рассказывала направо и налево о намерении графа увезти меня на родину. Перед отъездом граф получил от моего отца письмо. В нем сообщалось, что сам он мулат, а жена его англичанка, умершая во время родов. Так как был он очень беден, то решил подкинуть графу свою девочку в надежде, что в хороших руках из нее выйдет больше проку, чем в руках бедняка мулата. Имени своего он не назвал. Вместе со мною граф уехал в путешествие и, когда прибыл в Россию, сдал меня своей старухе-няне. Тогда меня уже приучили называть его почему-то «папой»... Сдав меня няне, он снова исчез на несколько лет и возвратился лишь тогда, когда мне исполнилось девять лет. Но в письмах к управляющему и к няне он часто упоминал обо мне и заботился о моем воспитании...

Шерлок Холмс жестом остановил речь графини.

– Скажите, пожалуйста, откуда именно приходили его письма? – спросил он.

– Тогда я была еще слишком мала, чтобы интересоваться этим, но впоследствии я узнала, что большая часть писем приходила из Индии, а два письма были со штемпелями Тонкина, – ответила она.

– Благодарю вас, – поклонился Холмс. – Итак, я слушаю дальше.

– Приехав в Россию, он повидал меня, – продолжала графиня. – Мы жили тогда в его усадьбе. Все время он был ласков со мною, остался очень доволен моими успехами в учении, несколько раз экзаменовал меня и ни на шаг не отпускал от себя. В России он пробыл год, и я очень сильно привязалась к нему. Однажды, это было в конце лета, он вошел ко мне бледный и сильно взволнованный. «Ирра, – сказал он мне, – в окрестностях нашей усадьбы появился бешеный человек, который бросается на людей, кусает их и убивает! Поэтому не выходи никуда из дома без меня. Я строго запрещаю тебе это». Я страшно испугалась. С тех пор мы стали ходить вместе даже в сад. Няня говорила, что отец страшно боится за меня. Он нанял четырех сторожей, завел во дворе цепных собак, а сам, как передавала мне няня, часто вставал ночью и

обходил усадьбу с ружьем в руках. Однажды под вечер мне захотелось нарвать себе свежих роз. Я пошла за отцом, но, не найдя его, решила пробежать в сад одна. Накинув на голову косынку, я вышла во двор, а оттуда – в сад. Не знаю почему, но, вероятно, напуганная рассказами графа, я не сразу отворила калитку, а посмотрела предварительно в щелку забора. И вдруг увидела за одним из кустов смородины человеческую голову. Громко вскрикнув, я бросилась назад, даже не рассмотрев лица спрятавшегося человека. На мой крик из конюшни выскочил граф. Узнав в чем дело, он кинулся в дом, схватил ружье и, словно сумасшедший, бросился в сад. Я же забилась в комнате, еле живая от страха. Однако, по-видимому, он никого не нашел, так как вернулся злой и очень расстроенный. Целый час кричал он на сторожей, затем в тот же день нанял еще четырех и вооружил всех ружьями. Вечером он объявил мне, что мы уезжаем. Все свои вещи и бумаги он собрал сам, мне же приказал взять с собой в корзиночку только три платья и шесть смен белья да любимые безделушки. До самого последнего момента никто из дворовых не знал, что мы уезжаем. В одиннадцать часов он приказал запрячь в просторный тарантас лучшую тройку и привязать сзади запасных лошадей.

Графиня на минуту прервала рассказ и попросила пить.

Шерлок Холмс с ловкостью молодого человека вскочил с места и, подойдя к этажерке, налил стакан воды с прекрасным вином.

– Благодарю вас, – произнесла графиня, принимая стакан от Холмса.

Она отпила несколько глотков и печально улыбнулась.

– Мой рассказ не наскучил вам? – спросила она.

– Наоборот! – с живостью воскликнул Шерлок Холмс. – Он донельзя поэтичен и заинтересовывает меня с каждой минутой все больше и больше. Если бы я был писателем, я непременно воспользовался бы им для романа и уверен, что он произвел бы фурор.

– В таком случае я продолжаю, – грустно произнесла графиня.

V

– Итак, к одиннадцати часам вечера все было готово, – заговорила снова графиня. – Перед отъездом граф созвал всех сторожей и приказал им, оцепив усадьбу, двинуться от нее по радиусам и, отойдя с полверсты, сделать по выстрелу. Затем, когда сторожа ушли, граф позвал к себе управляющего, отдал ему пакет со сделанными распоряжениями и объявил всем, что уезжает. В это время издали до нас донеслись звуки выстрелов. Это сторожа пугали неизвестно кого, исполняя приказ своего хозяина. Вещи наши были быстро нагружены и привязаны, и мы, сопровождаемые удивленными взглядами дворни, выехали из ворот и, словно бешеные, понеслись по дороге. Граф сам указывал, куда ехать. На первом проселке мы свернули, затем понеслись снова, поминутно сворачивая то вправо, то влево, словно замечая за собою следы. Так скакали мы верст, вероятно, семьдесят, давая лошадям лишь короткий отдых. Когда лошади обессилели, граф приказал перепрячь запасных, и мы помчались снова. Утро давно уже наступило, кучер несколько раз умолял дать передышку лошадям (первая тройка была попросту брошена по дороге), но граф ничего не слушал. Мы неслись до тех пор, пока коренник не упал, хрипя, на землю. Тогда граф посадил кучера на более сильную пристяжную и приказал ему поскорее добыть за какую угодно цену лучших лошадей. Верный кучер, служивший еще у отца графа, ускакал и через полтора часа возвратился назад с тремя полукровками и их хозяином. Пристяжные наши были лишь заморены, но хозяин охотно взял их в обмен вместе с тремястами рублями, а сдохшего коренного бросили на дороге. Снова перепрягли мы лошадей и понеслись как угорелые. Часов в пять дня мы услышали свисток и скоро доехали до какой-то железнодорожной станции. Я помню, как обрадовался граф, когда увидел, что по линии идет поезд. Ни названия станции, ни дороги я не помню. Соскочив с тарантаса и приказав носильщикам взять вещи, граф написал что-то на бумажке и приложил к

ней свою печать. Затем, я помню, он позвал кучера и сказал ему: «Слушай, Дмитрий! Уезжай куда хочешь и помни только одно, что от твоего молчания зависит жизнь барышни. Отдохни здесь, накорми лошадей и поезжай в любое место, где ты можешь продать лошадей и экипаж. За твою службу я дарю их тебе и удостоверяю это вот этой запиской, которую возьми вместе со своим паспортом. Вот тебе еще двести рублей. Поезжай на родину, в Орловскую губернию. Твою деревню я знаю и дам тебе о себе знать. Кто бы ни спрашивал тебя обо мне или о барышне – не говори, куда ты нас свез и вообще ничего о нас. Прощай!» Бедный кучер, не ожидавший такого подарка, повалился графу в ноги. Но в это время подошел поезд, и мы, взяв билеты и сдав багаж, заняли отдельное купе. По железной дороге мы ехали двое или двое с половиной суток. Граф как-то сразу успокоился, сделался ласковым и веселым. Таким образом приехали мы в Харьков. Тут мы простояли в гостинице два дня, после чего граф объявил мне, что я буду теперь учиться в хорошем пансионе, куда он меня повезет. На следующий день он отвез меня в пансион госпожи Бекман и простился со мной, попросив учиться и вести себя хорошо, чтобы ему не приходилось краснеть за меня. Потом он уехал. Куда – никто не знал. Я не видела его до седьмого класса. Меня никто не посещал, у меня не было родных, и на каникулы я ездила обыкновенно к одной из подруг. Граф исправно вносил за меня деньги и присылал еще на личные расходы вместе с очень теплыми письмами столько денег, что я считалась одной из самых богатых учениц. До пятого класса я считала его своим отцом. Но вдруг однажды, когда я шла уже в пятом классе, он прислал письмо, в котором в первый раз открыл мне глаза. В нем он описывал то, что я говорила вам о своем происхождении, причем прибавил, что судьба моя, бог даст, скоро изменится и я найду настоящих родителей. В письме он прислал мне и свой портрет. Это письмо меня страшно взволновало, и я проплакала над ним не одну ночь. Меня поразила мысль, что граф мне совершенно чужой человек. Мы, южанки, развиваемся слишком рано, и весьма возможно, что во мне уже тогда начинала говорить душа женщины. Только я не отдавала себе в этом отчета. Все чаще и чаще смотрела я на присланный мне портрет. Граф был очень красив. Так прошло еще два года. Я училась хорошо и была уже в седьмом классе. Однажды меня вызвали в приемную. Я пошла туда и вдруг увидела графа. В первый момент я бросилась было к нему на шею, но вдруг почему-то вспомнила, что он для меня почти посторонний мужчина, и сконфуженно остановилась. А он смотрел на меня восторженным взглядом, словно пораженный тем, что видит перед собою. Я тогда уже поняла этот взгляд. С тех пор его посещения стали очень часты. Он держал себя как родственник и в то же время как чужой. На Рождество он взял меня из пансиона, и мы уехали с ним в Париж, а после месяца разъездов он снова сдал меня в пансион. Так прошло время, пока я не кончила седьмой класс. Надо было подумывать о том, что делать со мною дальше. Граф никогда не ездил в свою усадьбу, видимо, избегая ее, и никогда даже не говорил о ней. Я решительно недоумевала: что я буду делать. Но перед самым выходом из пансиона судьба моя решилась. После последнего экзамена я получила отпуск. Как сейчас помню этот день... Мы взяли с собой провизии и поехали за город. В небольшом леске разостлали ковер, развели огонь и весело принялись за хозяйство. После обеда, пользуясь тем, что мы оставались вдвоем, граф сел рядом со мною и серьезно произнес: «Мне надо поговорить с тобой, Ирра». У меня почему-то вся кровь прилила к сердцу, и я невольно опустила глаза. Он заговорил: «Не хочу оставлять тебя в неизвестности, Ирра. Нам скоро придется расстаться навсегда!» Не успел он произнести эти слова, как я, с громким криком ужаса, без чувств грохнулась на землю. Когда я открыла глаза, то увидела графа, склонившегося надо мною. О! Его глаза смотрели на меня с такою немой любовью, что все во мне вдруг затрепетало от радости. Я схватила его шею руками и осыпала поцелуями, умоляя не покидать меня, давая клятву пойти на все! Он серьезно спросил меня: «Ты любишь меня, Ирра?» «Да», – ответила я. «И я тебя тоже, – проговорил он страстно. – Значит, мы будем мужем и женой. Но, чтобы ты впоследствии не упрекнула меня, я должен рассказать все о тебе и причины, почему я хотел расстаться с тобою. Я ведь поступаю нечестно.

Я должен был бы сначала вернуть тебя твоим родителям. Кроме того, я вовсе не так хорош, как ты думаешь; на моей совести есть один слишком большой грех...» Но тут я зажала ему рот рукой и попросила никогда не возвращаться к этим вопросам. В конце концов мы решили повенчаться и потом когда-нибудь поехать к моим родителям. «Верь мне, я не преследую в этой свадьбе никаких корыстных целей», – сказал мне граф. Я расхохоталась. Потом, спустя два месяца, мы повенчались и до сих пор жили душа в душу. Вот и вся моя жизнь. Незадолго до смерти граф получил откуда-то письмо. Оно так сильно взволновало его, что некоторое время он ходил как помешанный. Потом вдруг объявил, что ему нужно ехать в Казань, чтобы продать дом и усадьбу. «Что бы со мною ни случилось, – сказал он мне на прощание, – не беспокойся. Все, что ни делается, делается к лучшему». Так и уехал. Вот все, что вы можете узнать от меня, мистер Холмс. – Графиня умолкла, и на глазах ее блеснули крупные слезы.

VI

Низко опустив голову, Шерлок Холмс молча слушал рассказ графини и поднял ее, когда он был закончен.

Между его бровями легла глубокая складка, губы были плотно сжаты, а в выражении глаз чувствовалась какая-то загадочность, непонятная мне и графине.

Вдруг, встав с места, он начал нервно ходить по комнате, изредка останавливаясь около окна и бросая на улицу долгий задумчивый взгляд.

– Вы не видели полученного графом письма? – спросил он графиню.

– Нет, – ответила она. – Я всю жизнь чувствовала, что вокруг меня вьется какая-то тайна, но так как граф не говорил мне ничего, то я и не считала себя вправе спрашивать.

– Не замечали ли вы, что перед отъездом в Казань он писал что-нибудь?

– Вероятно, писал, потому что просидел у себя в кабинете около половины ночи.

– Что он говорил вам при прощании?

– То, что я вам передала. Кроме того, он сказал мне, что его поездка может затянуться на долгое время, и несколько раз повторил, чтобы я не беспокоилась, что бы с ним ни случилось.

Графиня вдруг как-то удивленно раскрыла глаза.

– Вы знаете, мистер Холмс, я только сейчас начинаю припоминать, что, говоря это, он сделал на этой фразе особенное ударение.

Глаза Холмса блеснули и погасли.

– И что же вы думаете? – спросил он. Луч надежды сверкнул в глазах графини.

– Уж не жив ли он? – произнесла она дрожащим голосом. – Уж не проделка ли это с чьей-нибудь стороны?

– А шрам на левой ноге? А платье? – задумчиво заметил Шерлок Холмс.

– Да, да... правда! – растерянно прошептала графиня. – Нога принадлежит ему, в этом не может быть никакого сомнения!

– Во всяком случае нам надо поторопиться! – твердо произнес Холмс. – Где находятся останки графа?

– Как только дело выяснилось, я получила их и, перевезя в Орел, погребла на Троицком кладбище, – ответила графиня грустным голосом.

– Ваша квартира находится по-прежнему в Орле?

– Да.

– В таком случае мы выезжаем туда с первым поездом.

Холмс обернулся ко мне:

– Посмотрите, дорогой Ватсон, когда отходит на Орел ближайший поезд.

Я взглянул в расписание и ответил, что до поезда остается три с четвертью часа.

– О, у нас времени более чем достаточно! – воскликнул Холмс. – Вы, графиня, поспеете к поезду?

– Конечно! Мне остается лишь заехать в «Северную» гостиницу и взять вещи.

Мы все втроем, захватив с собой наши дорожные саквояжи, отправились в названную гостиницу и оттуда поехали прямо на вокзал.

VII

На следующий день мы уже приехали в Орел.

– Вы, дорогой Ватсон, проводите графиню домой, – сказал Холмс, как только мы вылезли из вагона на платформу. – Я же немного проеду по городу и скоро буду у графини.

Он записал ее адрес и место, где похоронены останки мужа, причем на прощание спросил:

– Когда состоялись похороны?

– Два дня назад, – ответила графиня. – После похорон я сейчас же поехала в Москву отыскивать вас.

Холмс поехал в одном экипаже, а мы с графиней – в другом.

Наши экипажи разъехались около Мариинского моста.

Квартира графини оказалась не особенно большой, но обставленной богато и с большим вкусом.

Пока она переодевалась, я ждал в гостиной, куда принесли чай, и, когда графиня вышла, мы принялись за чай вместе.

Часа через два приехал и Шерлок Холмс.

Не сказав о своей поездке ни слова и выпив наскоро чашку чая с печеньем, он без лишних слов попросил проводить себя в кабинет покойного графа.

– В нем все оставлено в том виде, в каком было тогда, когда граф уехал из дома, – произнесла молодая женщина, вводя нас в довольно большой кабинет, уставленный книжными шкафами и массивной кабинетной мебелью, обтянутой темно – желтой кожей.

Оставаясь на месте, Холмс стал молча осматривать комнату. Я, в свою очередь, тоже осматривал ее с крайним любопытством, тщетно стараясь проникнуть в заключенную здесь тайну.

Судя по кабинету, граф был очень любознательным человеком.

На огромном письменном столе лежало несколько книг выдающихся ученых, сочинений по различным отраслям знаний, в углу на большой подставке стоял огромный морской глобус, а по стенам были развешаны географические карты различных стран, причем на некоторых из них стояли какие-то отметки, сделанные, вероятно, рукой самого графа.

Но больше всего обращала на себя внимание задняя стена кабинета.

Она была завешана огромным пушистым ковром индийской работы, на котором было красиво развешано различное оружие.

Тут были старинные стрелы, луки, колчаны, томагавки, щиты из кожи носорога, алебарды и бумеранги, а вперемешку с ними виднелись странные топоры с длинными ручками, форменные палаши английских, французских и немецких моряков, японские кэтану, револьверы и ружья разных систем, из которых многие принадлежали к форменному вооружению различных армий.

В задних углах, примыкая к ковра, находились два небольших, но высоких инкрустированных шкафа венецианской работы. В них виднелись книги, большей частью научного содержания.

Между тем Шерлок Холмс, окончив поверхностный осмотр кабинета, подошел к столу и принялся тщательно просматривать лежавшие на нем бумаги.

Боковые ящики стола оказались открытыми, но ничего особенного в них не было. Покончив со столом, Холмс стал шарить по полу.

Он сдвигал мебель, этажерки, ковырял палкой под книжными шкафами, выбрасывая оттуда различные бумаги и сор.

Каждый лоскуток он осматривал с особым вниманием.

Вдруг он жестом пригласил меня подойти к нему.

– Обратите внимание на этот конверт, – проговорил он, подавая мне разорванный конверт.

Это был обыкновенный конверт среднего формата, адресованный на имя графа, из Калькутты.

Адрес написан был твердой рукой, но плохим почерком с сильными нажимами на английском языке, и на конверте была наклеена марка индийских колоний.

Но странная печать, приложенная к конверту, заставляла невольно останавливать на ней взор.

Она была эллипсообразная, немного длиннее дюйма³, и в середине ее были изображены три левые ноги с длинными черточками ниже колен на каждой.

– Как вам эта печать? – спросил Холмс.

– Очень странный герб, – только и мог я сказать.

– И вы не находите в ней ничего общего с графом?

– Решительно ничего.

– Их было трое, – проговорил задумчиво Холмс.

– Кого? – удивился я.

– Людей, имевших шрамы на левых ногах, – серьезно ответил Холмс. – Эти длинные черточки на ногах, очевидно, обозначают шрамы. Но ведь у покойного графа также был шрам на ноге...

На минуту он задумался и вдруг воскликнул:

– Таджики!

– Что это такое? – спросил я удивленно.

– О, я прекрасно это вспомнил сейчас! В Индии, дорогой Ватсон, есть небольшое племя по имени Таджики. Живет оно недалеко от Бомбея и отличается кровавыми обрядами. Каждый акт их жизни сопровождается обрядом, в котором непременно фигурирует кровь. При рождении ребенку пробивают уши и ноздрю для украшений, при вступлении в брак жениху и невесте вырезают на теле символические знаки верности, при похоронах вдова покойного сжигается живьем и так далее. В числе прочих обрядов существует и обряд клятвы не выдавать общей тайны. Лица, дающие таковую, делают друг другу длинные и глубокие надрезы на левых ногах. Граф был когда-то в Бомбее и, по всей вероятности, связан клятвой с двумя людьми, из которых один, по крайней мере один, принадлежит к племени Таджидиев.

Холмс положил конверт в записную книжку и снова принялся за свои поиски.

Он долго стоял перед инкрустированными шкафами, осматривая их со всех сторон, потом попробовал было отворить имевшимися при нем отмычками запертый ящик стола, но, потерпев неудачу, отошел от него.

– Ну-с, на сегодня довольно, – произнес он, подходя к графине. – На прощание я хочу задать вам вопрос.

– Я к вашим услугам, – ответила молодая женщина, не упустившая ни единого слова из объяснений Холмса.

– Какую фамилию носили вы до замужества?

– Беналираджева, – ответила графиня.

---

³ Дюйм – 2,52 см.

Шерлок Холмс и я удивленно взглянули на нее.

– Странная фамилия, – пробормотал Холмс. – Неужели же, нося с графом разные фамилии, вы до его письма не могли догадаться, что он вам не отец?

– В этом-то и комизм! – произнесла графиня. – Я была чересчур наивна и никогда не слыхала, чтобы графа называли по фамилии. Я думала, что ношу с ним одну фамилию, ученицы ничего не знали, а начальница, вероятно, знала, но ничего не говорила.

– Ага, – сказал вполголоса Холмс и простился.

VIII

От графини мы прошли на Болховскую улицу, наняли в одной из гостиниц помещение, и Холмс, спросив письменные принадлежности, сел писать какие-то письма.

Окончив их, он сходил на почту и, вернувшись назад, обратился ко мне:

– Сегодня, да и все эти дни нам предстоит ночная работа, дорогой Ватсон. Надеюсь, вы не откажетесь сопровождать меня, хотя бы только ради того, чтобы быть свидетелем при раскрытии одного из самых таинственных убийств.

– Что касается меня, то это доставит мне величайшее удовольствие, – ответил я.

– Прекрасно, – кивнул головой Холмс. – А пока мы должны во что бы то ни стало найти такую читальню или библиотеку, в которой не только выписывают английские газеты, но и хранят их.

Мы вышли из гостиницы и принялись за поиски.

Но куда бы мы ни приходили, всюду или совершенно не выписывали английских газет, или таковые имелись лишь за последний год, а в лучшем случае – за два года.

Холмс приходил в отчаяние.

Но вот в одной из библиотек нам посоветовали обратиться к некоему Девлею, старому англичанину, проведшему почти всю жизнь в Орле.

Раньше он был химиком, а затем открыл в Орле химическую красильню, дававшую ему хороший доход.

Узнав адрес красильни, мы направились туда и вскоре без всяких церемоний и к величайшей радости мистера Девлея познакомились с ним.

Узнав о нашей нужде, старик Девлей самодовольно кивнул головой.

– О! В перечитывании наших старых газет я нахожу себе утешение в этой варварской стране, – произнес он с гордостью. – «Таймс» я выписываю в продолжение двадцати восьми лет, и до сих пор у меня не пропало ни одного листа.

Квартира мистера Девлея помещалась в одном дворе с красильней.

Он провел нас туда, представил своей жене и приказал подать старые газеты.

Каждый год у него был собран в отдельную папку и тщательно подклеен по номерам, что значительно облегчало работу по розыску нужной статьи.

Слегка подумав, Холмс потребовал номера, вышедшие девятнадцать, двадцать и двадцать один год тому назад.

В это время любезный хозяин приказал подать бутылочку виски и содовую воду, и, пока Холмс, уткнувшись носом в порыжелые газеты, углубился в их чтение, мы занялись любимым английским напитком.

Прошло более часа.

Но вот Шерлок Холмс вдруг радостно стукнул ладонью по кипе газет.

– Так и есть! – воскликнул он радостно. – А ну-ка, дорогой Ватсон, пойдите сюда! Я покажу вам прелюбопытную штучку, несмотря на то что газете этой лет двадцать.

Я подскочил к нему.

– Как вы думаете, милейший доктор, кто могла бы быть наша красавица клиентка?

– Графиня? – спросил я, страшно заинтересованный.

– Да.

– Но откуда же я могу знать это? – я пожал удивленно плечами.

– Вы, конечно, скажете: нищая мулатка, приемный графа?

– Конечно.

Шерлок Холмс загадочно улыбнулся.

– Думать так – большая ошибка, – ответил он. – Представьте себе, Ватсон, что у себя на родине она была много знатнее и богаче, нежели здесь, несмотря на титул графини и состояние графа.

– Черт меня возьми, если я понимаю хоть что-либо из этой чепухи! – воскликнул я.

– А между тем это открытие я сделал очень просто, – невозмутимо проговорил Холмс. – Неужели же, Ватсон, в рассказе графини о своем происхождении вы не чувствовали натяжки и больших недомолвок?

– Конечно, чувствовал! – признался я. – Но что же может сказать женщина, сама не знающая о себе ничего и говорящая о своем прошлом лишь со слов другого?

– Вы совершенно правы, – согласился Холмс. – Но не значит ли это, что человек, сообщивший ей о ее прошлом, лгал. Если бы он не лгал, его рассказ не страдал бы подобными дефектами.

– Верно...

– Вот то-то и есть! Слушая рассказ графини, я сразу обратил внимание на это, но самое сильное сомнение запало мне в голову лишь тогда, когда она произнесла свою девичью фамилию. Беналираджева! Не правда ли, странно давать такое имя ребенку, которого вывозят в Россию, крестят и собираются воспитывать? Но, кроме того, эта фамилия не вымышлена. Я слишком хорошо помню имя, прославившееся в свое время в Индии. И вот теперь я нашел его снова. Слушайте-ка, что я прочту вам из давно забытых времен.

Холмс поднес к глазам поржелый газетный лист и прочел:

– «Телеграмма из колоний. Индия. Бомбей.

Туземское население страшно взволновано невероятно дерзкой кражей, имевшей место недалеко от Бомбея во дворце местного раджи Бен-Али. Славящийся своим богатством и влиянием на население, всеми уважаемый раджа Бен – Али в день совершения преступления выехал на охоту, оставив свою годовалую дочь Ирру дома. Раджа Бен-Али красавец собою и женат на англичанке из очень хорошей семьи. Благодаря этому маленькая Ирра вышла цветом кожи более похожей на европейскую девушку, нежели на индианку. Ирра – единственная дочь у раджи, и родители боготворили ее. Когда Бен-Али уезжал на охоту, Ирра вместе с нянькой гуляла в окрестностях замка. Видя, что нянька с ребенком долго не возвращаются, во дворце встревожились. За нянькой послали людей и вскоре ее нашли недалеко от дороги мертвой, с колотой раной в груди. Ребенок исчез. Поднялась страшная тревога, тысяча конных и пеших были разосланы во все концы, но поиски не увенчались успехом. Ирра исчезла. Приехавший раджа удвоил поиски, назначив крупную награду тому, кто найдет ребенка, но и это не имело успеха. Английская полиция также поставлена на ноги».

Окончив чтение, Шерлок Холмс опустил на колени газетный лист и посмотрел на меня. Я был сильно взволнован.

– И вы думаете... – начал было я, но Холмс перебил меня.

– Дочь раджи Бен-Али, маленькая Ирра, похищенная двадцать лет тому назад близ Бомбея, найдена. Единственная наследница одного из самых богатых людей Индии стала русской графиней.

Холмс умолк и глубоко задумался:

– Да, дорогой Ватсон, в этом деле надо действовать с величайшей осторожностью. С жизнью молодой женщины связана тайна, разрешить которую наша задача.

Просидев у мистера Девлея около получаса, мы простились с радушным хозяином и ушли.

IX

Но домой мы не пошли.

Выйдя на улицу, Холмс остановился в раздумье.

– Прежде всего нам нужно подкрепить свои силы хорошим куском ростбифа или чего-нибудь другого, – произнес он. – Пойдемте же, Ватсон, в ресторан, а то скоро уже настанет вечер.

Мы зашли в один из ресторанов, заказали себе холодный ростбиф и жареную курицу с рисом.

Когда наш аппетит был удовлетворен, Холмс обратился ко мне:

– Вас, дорогой Ватсон, я попрошу подежурить всю сегодняшнюю ночь в доме графини. Не говорите ей ничего о нашем открытии и зорко следите за улицей и двором. Я же отправлюсь на кладбище и завтра утром приду к графине. Прислуге она должна сказать, что вы близкий родственник ее мужа, приехавший из какого-нибудь другого города.

Мы расстались.

Я сделал все, как было мне сказано Холмсом.

Почему-то мне казалось, что за графинею кто-то следит, и я посоветовал ей на время переменить спальню, выбрав для себя комнату в противоположном конце квартиры.

Она послушалась моего совета и устроилась в небольшой гостиной, имевшей ход лишь во вторую гостиную.

В одиннадцать часов вечера молодая женщина легла спать, а я, потушив в доме огни и осмотрев запоры, остался дежурить.

Сняв ботинки, я неслышно скользил из одной комнаты в другую, зорко наблюдая за двором и улицей.

Во дворе, кроме меня, были и другие сторожа. Это были две огромные овчарки, способные задушить медведя.

Днем они сидели на цепи, а ночью их выпускали на волю, и они не давали проходу не только чужим, но даже своим людям, всем, кроме графа, графини и кухарки, которая кормила их и которой поручалось сажать их на цепь и спускать на волю.

Долго ходил я из одной комнаты в другую, тщательно стараясь увидеть что-нибудь подозрительное.

Улица была как улица, запоздалые прохожие изредка нарушали мертвую тишину, и, наконец, стало совсем тихо.

Потом начало светать.

Тогда по улице потянулись деревенские телеги, направлявшиеся к базару, и, когда наступило утро, город принял свой обычный вид.

В восемь часов за мной зашел Холмс.

По его лицу было видно, что он лишь потерял даром время.

Узнав, что и я ничего не видел, он заявил, что, несмотря на неудачу, ни за что не откажется от своего первоначального плана, и предложил пойти в гостиницу соснуть.

Я не стану описывать следующие четыре дня. Все они походили один на другой и ничем не разнообразились.

Холмс день и ночь проводил на кладбище, а я – в квартире графини, которая по совету Шерлока Холмса никуда решительно не выходила из дому, ограничиваясь лишь прогулками по двору.

Х

Настала суббота.

Это был пятый день наших бессменных дежурств, я чувствовал себя таки порядочно усталым.

Приближался вечер, и я, спавший в продолжение всех этих дней лишь урывками, с неудовольствием подумывал о предстоящей бессонной ночи.

К тому же и молодой графине, казалось, начинали надоедать наши безрезультатные поиски.

Уже неоднократно она насмешливо выражала сомнение в гениальности Шерлока Холмса, а в голосе ее все более слышались нотки досады.

Этот вечер она просидела за чтением какого-то французского романа и рано ушла в свою спальню.

Я уж совсем собрался тушить огонь, как вдруг услышал ее голос.

– Мистер Ватсон! Мистер Ватсон! – взволнованно кричала молодая женщина.

Я поспешил на зов и вошел в гостиную, примыкавшую к ее спальне.

Она стояла посреди комнаты, бледная и дрожащая, одетая в светло-голубой капот, наброшенный, видимо, наскоро.

– Что случилось? – спросил я.

– Вы были у меня в спальне? – спросила она, пристально глядя мне в глаза.

– Зачем? – удивился я.

– И мистер Шерлок Холмс тоже не был? – снова спросила она.

Я пожал плечами.

– Мистер Шерлок Холмс заходил в ваш дом сегодня рано утром, когда еще только начинало рассветать, но он лишь сказал мне несколько слов и сейчас же удалился, – ответил я.

– И никто, решительно никто не входил в дом из посторонних?

– Это я утверждаю.

Она подняла свою красивую руку и протянула мне небольшой распечатанный конверт.

– В таком случае не можете ли вы объяснить, что значит это письмо и как оно попало на подушку моей постели?

Я с недоумением взял в руки протянутое мне письмо.

Адрес на конверте был напечатан на пишущей машинке.

«Графиня, – писал неизвестный автор. – Хотя вы меня и не знаете, но я вам друг. Некоторые обстоятельства, в силу доверия ко мне вашего мужа, впутали меня в тайну вашей фамилии. Заклинаю вас всем святым для вас послушаться меня. Вам грозит страшная опасность. Не выходите из дома ни на шаг, не выходите даже во двор и имейте при себе оружие. На всякий случай остерегайтесь даже прислуги. Я знаю, что какой-то сыщик поселился у вас в доме. Передайте ему, чтобы он держал себя осторожнее и не так откровенно показывался бы в окнах. Наблюдать и стеречь вас он может при потушенных огнях и опущенных портьерах. Мужайтесь, все идет к лучшему. Ваш доброжелатель».

Не успел я открыть рот, чтобы промолвить слово, как вдруг вздрогнул всем телом, услышав шум за своей спиной.

Графиня громко вскрикнула и схватилась за стул.

Быстро обернувшись, я увидел стоящего в дверях Шерлока Холмса, смотревшего на нас с нескрываемым весельем.

– Господи, как вы напугали меня! – воскликнула графиня, разглядев и узнав наконец знаменитого сыщика.

– Простите, но очень важное обстоятельство заставило меня войти в дом без звонка, – ответил тот.

– Но каким образом вы могли проникнуть сюда? – удивилась графиня.

– Для этого не надо обладать особым искусством, – ответил Холмс, пожимая плечами. – Мой приятель, доктор Ватсон, совершенно не обладает талантом сыщика. Он сторожит дом и в то же время оставляет в коридоре открытым окно, через которое не представляет никакого труда забраться в дом с улицы.

Я сконфуженно молчал.

XI

– Ну вот! – воскликнула графиня. – Теперь, по крайней мере, я узнала, кто приходил сегодня ко мне в дом и подкинул на подушку письмо! Вы сделали это мастерски, мистер Холмс! На лице Шерлока Холмса изобразилось непритворное удивление.

– Вы, кажется, намекаете на то, что я был здесь и подкинул вам письмо? – спросил он.

– А разве вы не были? – насмешливо спросила графиня.

– Нельзя ли мне взглянуть на письмо? – серьезно произнес сыщик.

Я подал письмо.

Холмс внимательно просмотрел его от первой до последней строчки, потом взглянул на него в увеличительное стекло и зачем-то даже лизнул языком. Я и графиня с любопытством наблюдали за ним.

– Человек, писавший это письмо, плакал над ним! – произнес он неожиданно.

Мы не успели разобраться еще в этой фразе, как вдруг Шерлок Холмс пристально взглянул на графиню и медленно произнес:

– Это письмо писал... ваш муж.

Громкий крик вырвался из груди молодой женщины. И если бы я не поспел вовремя, чтобы поддержать ее, она упала бы на пол.

Потребовалось несколько минут, чтобы привести в чувство графиню. Первое, о чем она спросила, как только пришла в себя, было:

– Мой муж? Боже мой! Ради бога, объясните скорее, что вы хотите этим сказать?

– Ни более и ни менее как то, что он жив и никто не разрезал его на куски, – проговорил Холмс отчетливо.

Прижав руку к сердцу, графиня вскочила с места и судорожно схватила сыщика за руку.

– Не может быть! Ради бога... Да говорите же наконец!

– Прежде всего успокойтесь и сядьте, – посоветовал Холмс.

Повинуясь приказанию, графиня в волнении опустила в кресло.

– Итак, слушайте! – начал Холмс серьезно. – Я не знаю подробностей, но весь ход событий, в общих чертах, я расскажу вам безошибочно. Вы же, Ватсон, слушайте и в то же время зорко следите за улицей. Погасите огни и перейдите в столовую... Итак, я начинаю, – заговорил он, когда приказание его было исполнено и я поместился около спущенной портьеры, в то время как он и графиня сели почти рядом со мною. – Я не нахожу, подобно графу, причин скрывать ваше происхождение. Двадцать лет тому назад вы, дочь знаменитого раджи Бен-Али, будучи годовалой девочкой, были похищены тремя злоумышленниками, в числе которых был и граф.

– О-о! – простонала молодая женщина.

– Был ли граф злоумышленником или попал в эту компанию случайно, это мы скоро узнаем. Я знаю только то, что граф был связан клятвой с этими двумя людьми, один из которых принадлежал к племени Таджикиев. Конечно, я могу и ошибиться, но, судя по оружию, разве-

шанному в кабинете графа, он имел дело с пиратами, так как топоры на длинных ручках во время рукопашных схваток составляют их любимое оружие.

– Боже, боже! – зарыдала молодая графиня.

– О! Не надо так отчаиваться! – успокоил ее Шерлок Холмс. – Ведь я высказываю только предположения. К тому же степень виновности графа совершенно не выяснена, и мне почему-то кажется, что с ним самим случилось в жизни большое горе, которое снимает с него всякую вину. Его сегодняшнее письмо показывает, что он боится за вас и продельывает все эти вещи, потому что хочет вас спасти, но не избежать правосудия, иначе он вспомнил бы сыщика словом ненависти.

Надежда и радость послышались в голосе молодой графини, когда она тихо прошептала:

– Я в этом уверена! Он слишком благороден!

– Итак, я продолжаю, – снова тихо заговорил Шерлок Холмс в темноте. – Они, связанные между собою клятвой, похитили вас. Каким образом попали вы именно в руки графа, я не знаю. Но... то, что вы находитесь именно у него, возбудило зависть и других, и они решили во что бы то ни стало отнять вас у него. Граф получил, вероятно, письмо с печатью Таджидия, и один из двух компаньонов отыскал его в России. Граф отказался отдать вас, и приехавший попросту решился на похищение. Вам тогда было уже девять лет. Но граф счастливо скрылся от него, увезя вас в ту памятную ночь. Прошло семь лет, и граф, давший вам воспитание и сделавший из вас культурную девушку, хотел было возвратить вас отцу, но... влюбился. Любовь и боязнь того, что вы не пожелаете отдаться ему, заставили его скрыть от вас тайну. Он женился, решив посетить ваших родителей тогда, когда вы окончательно сживетесь с ним, вовсе не думая об их состоянии. Между тем он должен был знать, что после вашей пропажи раджа Бен-Али назначил награду и даже выкуп в 10 000 фунтов стерлингов (100 000 руб.) тому, кто найдет вас, а через пять лет эта сумма была удвоена несчастным отцом. Вероятно, возможность получить подобный куш не давала покоя двум остальным, и они не прекращали поисков графа. Граф получил письмо, а затем исчез. Один из невидимых врагов приезжает в Россию, и граф убивает его...

– Что вы говорите?! – воскликнула графиня.

– Убивает, заманив в ловушку, – продолжал Холмс невозмутимо. – Он одел его в свой костюм, убил и положил в корзину, изуродовав лицо и прекрасно зная, что по приметам на ноге и платью труп будет принят за его собственный. Зачем? Очевидно, он рассчитывает, что третий злодей поймается на эту удочку. О смерти графа протрубят газеты, и третий явится сюда, чтобы завладеть вами. Конечно, зная, что граф умер, он не будет так осторожен...

– Тсс... – прошептал в это время я, заметив на улице темный силуэт мужчины, ходившего, оглядываясь назад и вперед, по противоположному тротуару.

Шерлок Холмс круто оборвал свою речь и кинулся к портьеру.

XII

– Ну-с, дорогой Ватсон, удвойте ваше внимание! – шепнул он мне.

Насколько позволяла разглядеть темнота, человек, фланировавший напротив дома, был выше среднего роста, стройного и крепкого сложения, одет в легкий костюм, плотно облегавший тело.

Тихо пройдя два раза мимо дома графини, он остановился и повернул голову направо, всматриваясь в темноту.

Минуты через две из-за поворота улицы выехала фура, употребляемая для перевозки мебели.

Не доезжая до дома, она остановилась, от нее отделился человек, подошедший к тому, который стоял на тротуаре.

Оба незнакомца сказали, по-видимому, друг другу по нескольку слов, после чего подошедший возвратился к своей фуру, а первый остался на тротуаре.

На улице не видно было никого из прохожих.

– Смотрите, смотрите! – шепнул Холмс. – Смотрите на противоположный забор!

Я взглянул в указанном направлении. Темный полукруглый силуэт тихо выползал из-за верхнего края забора.

– Кто-то следит за человеком на тротуаре! – шепнул я.

– Да, да! – ответил Холмс. – Снимайте ботинки на случай, если нам потребуется без шума переменить позицию.

Между тем человек на тротуаре осторожно огляделся по сторонам и рысью перебежал улицу, очутившись под соседним с нами окном.

Мы замерли неподвижно, прислушиваясь на всякий случай к малейшему шуму и вынув из карманов револьверы.

Бедная графиня, должно быть, сидела ни жива ни мертва, так как в могильной тишине было слышно даже биение ее сердца.

Но вот у соседнего окна послышался легкий режущий звук.

– Алмаз! – шепнул Холмс.

Звук повторился несколько раз, и стекло вдруг тихо треснуло.

Портьера раздулась от пахнувшего в комнату воздуха, и за окном послышался шорох.

Я ясно услышал, что кто-то карабкается на наружный подоконник.

Вдруг Холмс нервно дернул меня за рукав.

Я быстро взглянул на улицу и увидел силуэт человека, который поднялся почти по пояс над забором. Затем этот силуэт как-то странно изогнулся, замер неподвижно, и громкий выстрел всполошил сонный воздух.

Человек на подоконнике громко вскрикнул, и мы услышали, как тело его грузно шлепнулось на тротуар.

В ту же секунду Шерлок Холмс быстро открыл окно и, выпрыгнув, бросился прямо к забору.

Сознавая, что нельзя оставлять приятеля одного, я кинулся за ним, крикнув на ходу графине:

– Зовите людей, свяжите лежащего, если он легко ранен, а за фурой пошлите погоню!

В одну минуту мы перескочили через забор, за которым скрылся убийца.

Мы выскочили так быстро, что он не успел отбежать даже до противоположного конца двора, когда мы надели на него. Видя, что бежать невозможно, убийца вдруг остановился, но, к моему удивлению, не направил на нас дуло, а наоборот, опустил ружье прикладом в землю и гордо ждал нас, по-видимому, не собираясь защищаться.

Держа револьвер наготове, Холмс вынул другой рукой из кармана электрический фонарь и направил свет на лицо преступника.

Перед нами стоял человек с благородной осанкой и открытым красивым лицом.

Он был бледен как полотно, но смотрел на нас спокойным взглядом человека, сделавшего то, что повелевал ему долг.

Так выглядит тот, кто убивает на дуэли своего противника, оскорбившего близкого ему человека или задевшего его честь.

– Граф Петр Васильевич Тугаров, я вас арестовываю! – громко и отчетливо произнес Шерлок Холмс, опуская руку с револьвером.

– Я повинуюсь вам, – ответил граф. – Но я хочу знать, с кем имею дело?

– Пожалуйста! – произнес Холмс. – Я – Шерлок Холмс, а это – мой друг, доктор Ватсон. Глаза графа радостно сверкнули.

– Я рад, что имею дело именно с вами! – воскликнул он. – Вы поймете меня скорее других. Пойдите ко мне в дом, и если вы боитесь, то созовите хоть всю полицию. Я прошу вас только выслушать все перед тем, как меня уведут в тюрьму.

С этими словами он бросил на землю ружье и револьвер.

– Я верю вам, – неожиданно сказал сыщик. – Пойдите. Что касается полиции, то она явится сама.

Мы вышли из соседнего двора и направились к дому графа. Выстрел уже обеспокоил улицу, и где-то мелкой трелью звучал свисток городского.

Подойдя к парадной двери, Холмс сильно дернул звонок.

– Кто там? – раздался тревожный голос самой графини.

– Холмс и Ватсон! – ответил сыщик.

Дверь отворилась, и мы вошли в освещенную переднюю.

Увидав мужа, графиня отпрянула назад и вдруг с громким рыданием бросилась к нему на грудь.

А он молча сжимал ее в объятиях, и слезы градом катились из его глаз...

XIII

Прошло около получаса, пока молодая женщина окончательно успокоилась.

– Я исполню свое обещание и сам прошу вас сходить потом за полицией, – произнес наконец граф. – Но... где тот человек, в которого я стрелял?

– Он тяжело ранен и перенесен в наш дом, – ответила Ирра.

– Тем лучше! – кивнул головой граф. – Пусть же Ирра прежде всех узнает свое прошлое...

– Я уже знаю его, – прошептала графиня, краснея.

– Откуда? – с тревогой спросил он.

В нескольких словах Холмс передал весь ход своих изысканий и всего этого дела.

– Гм... ваша слава слишком мала для вас! – воскликнул пораженный граф. – Но как вы могли убедиться, что в гробу лежу не я?

– Очень просто! – ответил Холмс. – Я вырыл ночью труп и примерил к его ноге сапог. Вчера же утром к кладбищенскому сторожу приходил какой-то очень смуглый человек и спрашивался, где ваша могила. Я видел его. Он подходил к могиле, чтобы прочесть надпись и убедиться в том, что вы действительно похоронены. Убедившись, он радостно улыбнулся и ушел, а через минуту в зелени кладбища промелькнула и ваша фигура.

– Это правда, – серьезно проговорил граф. – Но я возвращаюсь к началу. Чтобы объяснить вам связь между мною и этими двумя людьми, я должен сказать, что, оставшись сиротой семнадцати лет, я отправился путешествовать. Первый год и начало второго прошли для меня благополучно, но в конце второго года, когда я плыл из Калькутты в Америку, на наш пароход напал свирепствовавший в то время в Индийском океане корсар Даудалама. Во время схватки я упал в море. На мое счастье, в море упал и предводитель разбойников – пират Даудалама из племени Таджидиев. У него была сильно ранена голова, и он пошел бы ко дну, если бы я, движимый инстинктом жалости к тонувшему, не поддержал его, совершенно не сознавая, что спасаю негодяя. В это время к нам подоспел пиратский баркас, и нас вытащили. За спасение атамана мне была дарована жизнь. Даудалама, живучий, как кошка, скоро выздоровел. Он обещал сохранить мне жизнь, но с одним условием: чтобы я поклялся «братской клятвой» не выдавать его поступков. В противном случае, как было заявлено, меня ждет смерть. Кроме меня, был еще один пленный. Это был форменный негодяй, он сам попросил принять его в состав разбойничьей банды. Что мне было делать? Подумав над своим положением, я решил для отвода глаз исполнить это требование и бежать при первой же возможности. Клятва с над-

резом ноги была произнесена. Я, Гаммер (это второй пленник) и Даудалама поклялись в братстве. С тех пор я провел с пиратами два года. К несчастью, мой паспорт был при мне, и пират узнал мою фамилию. Несколько раз нападали на купеческие корабли, на которых резал всех без исключения, но этого ему было мало. Я присутствовал при битвах, но не принимал в них участия. За мною зорко следили. У Даудаламы был кровный враг. Это был раджа Бен-Али, повесивший его отца, такого же бандита, как и сын. И вот однажды пират задумал отомстить ему. Дочь свою, маленькую Ирру, раджа боготворил. Даудалама задумал похитить ее, выманить под видом выкупа у раджи побольше денег и затем, надругавшись над девочкой, возвратить ее отцу обесчещенной. Желая втянуть меня в преступление, он объявил, что я должен быть его сообщником. Надеюсь на побег, я согласился. И вот я, Гаммер и Даудалама отправились в Бомбей. Дальше вы знаете. Но на обратном пути мне ночью удалось бежать, унеся с собой малютку. На простой индийской лодке я плыл с ней двенадцать дней, пока нам не встретился попутный пароход. Выдать же малютку властям мне было, во-первых, негде, а во-вторых, я был уверен, что Даудалама похитил бы ее и второй раз. Поэтому, приехав в Россию, я написал радже письмо, чтобы он не беспокоился за малютку. Я хотел вырастить ее и тогда отдать отцу, надеясь, что за это время пират попадет в руки правосудия. Сам же я зорко следил за его проделками. Так было, пока Ирре не исполнилось девять лет. Но тут Даудалама каким-то чудом узнал место, где я нахожусь. Вместе с Гаммером он явился в Россию, чтобы похитить маленькую Ирру и осуществить месть. Он предупредил меня грозным письмом, советуя отдать девочку добровольно. Но я не ответил. И вот они явились в мою усадьбу, подстерегая девочку, как волки. Неосторожно высунувшись из кустов, когда Ирра подходила к калитке, Гаммер выдал себя. Я бросился в сад и пустил ему в бок пулю. К несчастью, он успел скрыться, несмотря на рану, и это обстоятельство помогло моему бегству, так как Даудалама, вероятно, не решился оставить раненого товарища. Тогда так никто и не узнал об этом случае. Когда Ирра выросла, я хотел отвезти ее к отцу, но... влюбился и из боязни потерять любимую не открыл ей ее имени. Кроме того, я боялся огласки, а свет приписал бы мне и корыстные цели, так как раджа безумно богат. Я думал, что бандит совершенно исчез, как вдруг на мою голову неожиданно обрушился удар. Даудалама снова выследил меня и послал сюда Гаммера. Он написал мне, что если я не отдам Ирры, то его месть обрушится на меня, а Ирре все равно не миновать позора. Это было второе письмо с печатью таджидия. Тогда я придумал ловушку для своего врага. Я выехал навстречу Гаммеру в Казань, куда он должен был прибыть, так как ехал через Персию и Кавказ. В Казани мы встретились. Я заявил Гаммеру, что отказываюсь от Ирры, попросил его написать Даудаламе об этом и о том, что мы едем за нею в Орел, куда просили приехать и его. Так как у Гаммера был чересчур легкий костюм, я дал ему свой и, заманив в заранее подготовленное место, убил, разрезал и положил в корзину, после чего скрылся. Как я ожидал, так все и вышло. Даудалама, узнав из газет о моей смерти, ободрился и лишь недоумевал: куда девался Гаммер. Но ведь негодяй мог легко попасть в руки полиции, Даудалама понимал это и перестал беспокоиться. Не рискуя встретить меня, он ходил по городу и готовился увезти Ирру совершенно открыто, благодаря чему сегодня и попал под мою пулю...

Граф замолк.

На улице слышался шум.

– А теперь – последнее доказательство, – проговорил граф снова.

С этими словами он прошел в кабинет и, надавив в одном из инкрустированных угловых шкафов камень, открыл потайной ящик.

– Вот мой дневник, – произнес он, подавая Холмсу толстую тетрадь. – По почерку и чернилам вы узнаете, что он был написан давным-давно. Вот письма бандита, а вот и мое завещание, сделанное десять лет тому назад, в котором я открываю настоящее имя Ирры и завещаю ей, в случае моей смерти, все свое состояние. А теперь, господа, я попрошу передать меня в руки полиции.

Графиня, рыдая, упала к ногам мужа, обхватив руками его колени.
Мы молча стояли перед ними, не зная, на что решиться.

XIV

Прошел месяц.

Процесс графа был окончен, ему вынесли оправдательный приговор.

Раненый пират волей-неволей признался во всех своих преступлениях и, переданный английскому правительству, окончил свою жизнь на виселице.

Вскоре и раджа Бен-Али узнал об участи своей дочери.

Радости его не было конца.

К графу от него приехала пышная депутация и в сопровождении ее супруги поехали к вновь обретенному отцу графини Ирры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.